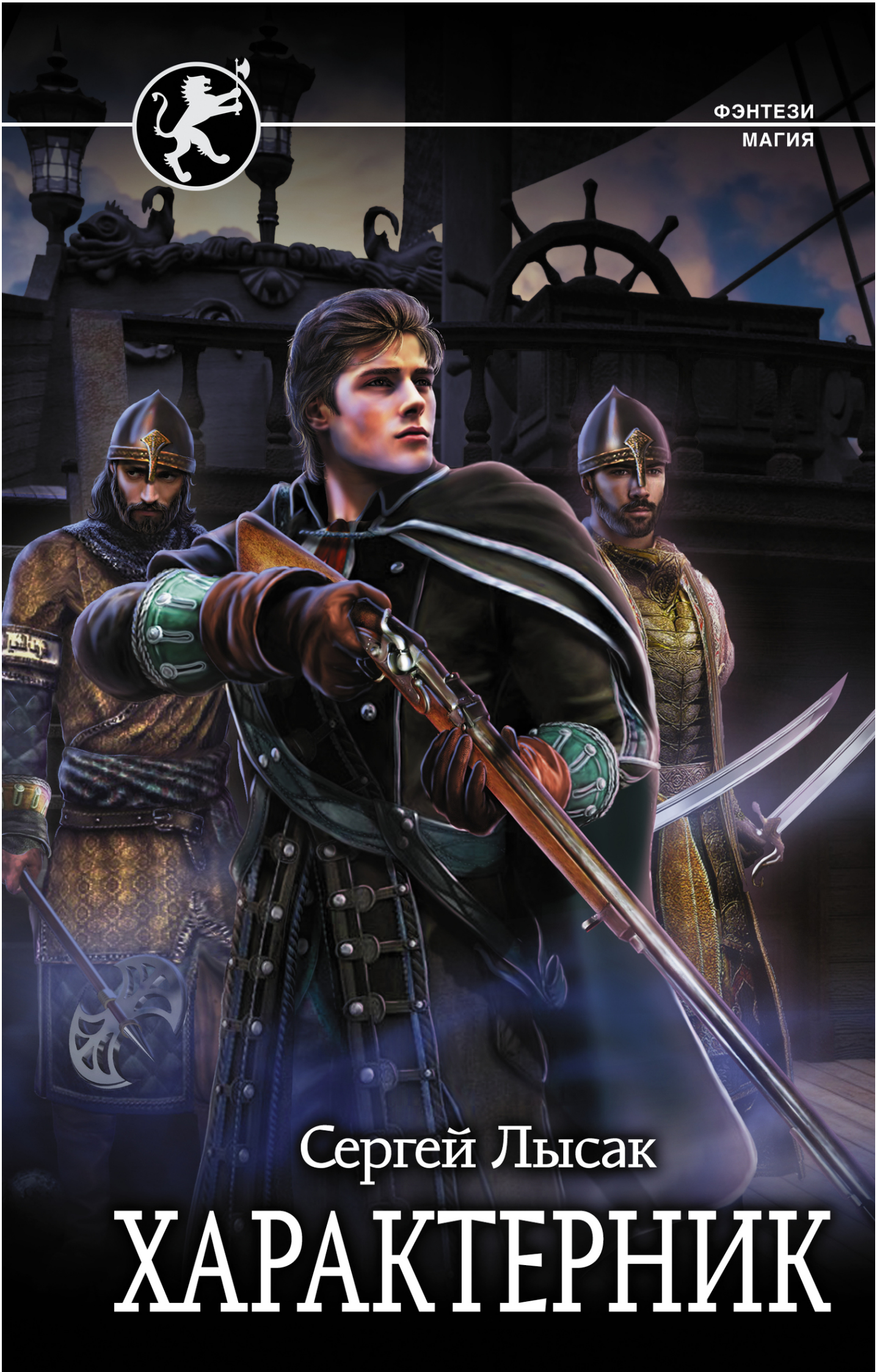
ФЭНТЕЗИ
МАГИЯ
Сергей Лысак
ХАРАКТЕРНИК

Фэнтези-магия

Сергей Лысак

Характерник

«АСТ»
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Лысак С. В.

Характерник / С. В. Лысак — «АСТ», 2019 — (Фэнтези-магия)

ISBN 978-5-17-112032-0

Молодой казак Иван Платов попадает в секретный отряд лазутчиков, в полной мере используя свой дар характерника – человека с очень сильными экстрасенсорными способностями, имеющими «прикладное» боевое назначение. Но в самом начале своего боевого пути Иван оказывается втянут в череду странных событий, где переплелись интересы неизвестной чужой разведки, эмиссаров московского царя и крымских работорговцев. Ситуация накаляется, и над головой Ивана сгущаются тучи. Чтобы уберечь от происков врагов, а заодно извлечь пользу из сложившейся ситуации, Ивана отправляют в Крымское ханство в качестве разведчика-нелегала. Донской казак Иван Платов превращается в османского юношу Хасана. Но судьба и здесь не оставляет его в покое. Навигатор Хасан становится моряком флота Османской империи.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112032-0

© Лысак С. В., 2019
© АСТ, 2019

Содержание

Пролог [1] 6
Глава 1 10
Глава 2 17
Глава 3 29
Глава 4 40
Глава 5 51
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Сергей Васильевич Лысак
Характерник

© Сергей Лысак, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог [1]

Степан прохаживался по двору и ждал. Из горницы, где рожала жена, бабы его выперли, а сидеть одному в четырех стенах особого желания не было. Вот и бродил по двору Степан, изредка перекидываясь фразами со знакомыми по ту сторону плетня, а про себя возносил молитвы Господу, чтобы не оставил без внимания православную душу. И ожидал с нетерпением того мига, когда все решится…

Честно говоря, к молитвам у Степана отношение было своеобразное. Он вспоминал о Боге только тогда, когда припекало. Но припекало не так уж редко, походы к турецким и черкесским берегам весьма тому способствовали. И ведь помогал Господь! В скольких боях побывал казак Степан Платов, но всегда возвращался не только живым и здоровым (синяки и легкие поверхностные раны не в счет), но и с хорошей добычей. В другое же время религиозные чувства Степана пребывали в дремлющем состоянии, что ни его самого, ни его черноокую красавицу-жену Елизавету совершенно не беспокоило. Но на то тоже были свои причины. Казачкой Елизаветой его жена стала, лишь пройдя обряд крещения. А прибыла на Дон, глядя на всех исподлобья, готовая вцепиться в глотку любому чужаку, пленная турчанка Эмине. Четырнадцатилетняя девчонка, доставшаяся Степану после очередного похода. Хоть и посмеивались казаки над его выбором, предрекая полный провал в деле укрощения строптивицы, оказавшей бешеное сопротивление и даже умудрившейся поранить кинжалом Степана. Но он, едва глянув в горевшие яростью черные глаза на прекрасном лице, сразу сказал: «Моя!!!» Ну, раз твоя, значит твоя. Хочешь и дальше драться с этой дикой кошкой – забирай.

Но до драк не дошло. Хоть Эмине и дичилась поначалу, поглядывая с опаской на недавних врагов, но к Степану привязалась быстро. Может быть потому, что не стал молодой казак вести себя, как дикий варвар (о чем она наслушалась в свое время), с ходу овладев лакомой добычей, а повел себя с ней на первых порах как любящий старший брат с малой сестренкой – ведь он был на тринадцать годков ее старше. И оттаяла басурманка, посмотрев совсем подругому на своего пленителя. Тем более что положение единственной жены вольного и богатого казака не шло ни в какое сравнение с тем, что ее – девушку из бедной семьи, ожидало на родине. Что ей сразу по прибытию и объяснили другие казачки – по большей части сами недавние турецкие и черкесские полонянки.

Трудно на первых порах им пришлось, начиная от сложности в общении и заканчивая непохожестью совершенно разных обычаев. Если Степан худо-бедно еще мог объясняться на турецком, то вот Эмине не знала русского вообще. Родители Степана поначалу были не в восторге от выбора сына, но перечить не стали. В конце концов, на Дону этим никого не удивишь. Многие казаки брали в жены пленных турчанок и черкешенок, и ничего, мир от этого не перевернулся. А поскольку до этого они Степана уже порядком достали своими планами с женитьбой, заявляя, что «давно пора», то он им и ответил в том же духе. Дескать, что хотели, то и

---

[1] Книги цикла «Характерник» самостоятельные произведения, но по сюжету являются продолжением цикла «Кортес», относящегося к жанру исторической фантастики, причем оба цикла имеют общих героев. Главный герой Иван Платов и его приключения являются художественным вымыслом. В тексте также фигурируют реальные персонажи, жившие в тот исторический период, а ряд исторических событий действительно имел место в реальной истории. Что касается самих казаков-характерников, то очень многие факты говорят о том, что они действительно были. Но в ходе практически беспрерывных войн с внешними врагами и восстаний против царской власти, приводивших к большим потерям среди казаков, это искусство со временем было утрачено. Во всяком случае, к началу XIX века уже нет никакой информации о действиях казаков-характерников. Однако не исключено, что представители некоторых казачьих родов все же смогли сохранить это древнее искусство, но полностью скрыв его от непосвященных и не афишируя свои возможности. Косвенным подтверждением этой версии являются загадочные и необъяснимые с точки зрения обычного человека случаи из истории Первой мировой и Гражданской войн, связанные с действиями в боевой обстановке отдельных казаков и получившие огласку. Но научного объяснения этому до сих пор нет. Новая власть постаралась уничтожить саму память о казаках, и очень многие исторические данные были безвозвратно утрачены.

получите. Чем вам невеста не по душе? Молода, красива, здорова, по хозяйству расторопна, будущего мужа любит и уважает. Вас, как моих родителей, тоже. Что вам еще надо? Ну а то, что приданого за ней нет, так ведь и тещи тоже нет! А то, что по-русски ни бельмеса, и не молитвы Господу возносит, а намаз совершает, так это не страшно. Приданое – дело наживное, язык выучит, перейдет в православную веру, а там и обвенчаются в церкви, как положено. Не они первые, не они и последние. Родители поохали, повздыхали, но смирились. В конце концов, раз Степан сам эту басурманку выбрал, то пусть сам с ней и возится. Действительно, не он первый, не он и последний. Так и начали жить поживать донской казак Степан Платов с турчанкой Эмине, вскоре ставшей казачкой Елизаветой…

Неожиданно хлопнула входная дверь, и на крыльце появилась его сестра Мария.

– Степка, у тебя сын родился!!! Только…

– Что?!

– Понимаешь… У него уже зубы есть…

Степан метнулся в хату. Елизавета лежала уставшая и приходила в себя после родов, а повитуха показала ему младенца.

– Все хорошо прошло, Степан, дал Господь вам сына. Но вот такое я впервые вижу, хотя и слыхала, что бывает. Чтобы у новорожденного сразу зубки прорезались… А ну цыть, бабы!!! Никакого знака Антихриста здесь нет! Сердцем чую, добрый казак будет! Как сына-то назовешь?

– Иваном!

Прошло шесть лет…

Иван возвращался домой с удочкой и куканом, на котором болталось несколько рыбешек, и думал, что сказать матери. Опять влип в неприятности. Снова подрались с Прошкой Рябовым, будь он неладен. Все бы ничего, если бы не «боевые потери» в виде разорванной рубахи у Ивана и разбитой морды у Прошки. Поэтому скрыть не удастся. Прошка, конечно, сволочь еще та, за дело получил, но кто разбираться будет… Тем более его мать опять жаловаться прибежит… Хорошо хоть батька сейчас в отъезде, вернется не раньше чем через неделю. Мать, правда, все равно высечет, но хоть не так сильно.

Подходя к дому, Иван услышал крики. Ругались его мать и мать Прошки. Ну всё… Вздохнув и решив, что чему быть – того не миновать, вошел во двор, как неожиданно дверь отворилась и из нее пулей вылетела Прошкина мать, изрыгая проклятия на голову «басурманки и ее выродка». Глянув с ненавистью на Ивана, плюнула и выбежала со двора. Иван очень удивился, такое было впервые. То, что их матери постоянно ругались после драк, к этому он уже привык. Но раньше Евдокия Рябова всегда степенно уходила с видом победителя, а здесь… Войдя в хату, Иван удивился еще больше. За столом сидели мать и незнакомый пожилой казак в богатой одежде, о чем-то разговаривая. Увидев Ивана, замолчали, и незнакомец уставился на него тяжелым внимательным взглядом, от которого у Ивана по спине побежали мурашки.

Как положено, поздоровался, но незнакомец молчал, продолжая буравить его взглядом. Иван тоже молчал, стараясь не усугублять ситуацию и состроив умильную физиономию. Как знать, а вдруг пронесет?! С чего бы это Прошкина мать из хаты выскочила, как будто за ней черти гнались… Наконец, незнакомец нарушил молчание:

– Так вот ты каков, Иван Платов… Наслышан о тебе. Ничего мне о своих подвигах рассказать не хочешь?

– О чем, дядько?

– Меня Матвей Колюжный зовут.

– О чем, дядько Матвей?

– Ну, например, о том, как вы всей ватагой три дня назад сад у Игната Тимофеева обнесли?

– Не было такого, дядько Матвей!!!

– Ну как же не было? Когда Игнат двоих из вас поймал и хворостиной отходил?

– Так меня там не было!

– А пойманные сказывали, что был.

– Врут!!!

– Врут? А поклянешься, что врут?

– Вот те истинный крест, дядько Матвей, что врут!!!

– Ну-ну… Весь… в батьку. Такой же… Ладно, пусть врут. А сегодня что?

– Так я не виноват, дядько Матвей! Прошка сам ко мне пристает, проходу не дает! Все басурманом обзывает. Не любо ему, что я его старшинство не признаю.

– Про то знаю. И даже больше скажу – все ты правильно сделал. С гнильцой хлопец этот Прошка, ох с гнильцой… Если так и дальше продолжит – плохо кончит. Но я тебя не об этом спросить хочу. Видел я вас на берегу Дона. И видел, как Прошка тебя сначала на землю повалил и рубаху порвал, а вот после ты его как будто мертвецки пьяного отмутузил, да так, что он даже не сопротивлялся толком. А ведь он на голову тебя выше, на три года старше, да и вширь раза в два побольше. Как ты это сделал?

– Да я и сам толком не понял, дядько Матвей. Такое зло меня взяло, когда он не только про меня, но и про мою матушку худое говорить начал, так будто крылья за спиной выросли и сила непонятная появилась. А потом все исчезло. И Прошка убежал, грозился только меня поймать.

– М-м-да… Что же с тобой делать, Иван?

– Матушка, дядько Матвей, я же не виноват!!!

– Да я не про то… Знаю, что не виноват… Эх, попал бы ты ко мне хотя бы года на четыре раньше…

– Ты про что, дядько Матвей?

– Ладно, не буду темнить. Я, как о тебе узнал, так сразу приехал. Редкий случай – новорожденный младенец с зубами, вот и появились у меня подозрения. Я, кроме тебя, только одного еще такого человека знаю. Запорожский кошевой атаман Иван Серко – слыхал?

– Слыхал.

– Так вот, я вместе с ним на турка да на ляхов ходил, и не раз. Добрый атаман, все казаки его уважают. И силу большую имеет. Но не ту силу, чтобы подковы гнуть… Ты, Иван, о характерниках слыхал?

– Да, слыхал, дядько Матвей.

– Так вот знай, что Иван Серко и я – характерники. Стар я уже стал в походы ходить, да и знания мои достойному казаку передать надо. Успеть до того, как Господь меня призовет. И кроме как тебе некому.

– Так ты же еще не старый, дядько Матвей!

– Как думаешь, сколько мне лет?

– Ну… За сорок?

– Ишь ты!!! Не угадал. Семьдесят три прошлой осенью исполнилось.

– Да ну?!

– Вот тебе и «да ну»! В общем, Иван, есть у меня к тебе серьезный разговор. С матушкой твоей мы уже все обсудили, а батька еще раньше сразу согласился. Я ведь, почитай, уже две недели как к тебе приглядываюсь… Пойдешь ко мне в ученики? Дело это добровольное, поскольку если заставлять учиться из-под палки, толку не будет.

– А чему учиться, дядько Матвей?

– Много чему. Ты ведь турецкий хорошо знаешь?

Матвей неожиданно перешел на турецкий язык, и Иван стал отвечать, даже не сразу сообразив, что разговор идет на турецком. Его отец и мать хорошо понимали, что в жизни казака это очень важно, поэтому оба языка он стал постигать с самого раннего возраста, едва научившись говорить. И теперь это принесло свои плоды. Поговорив на самые разные темы, Матвей снова перешел на русский.

– Турецкая речь у тебя очень хороша, Иван. От чистокровного турка не отличишь. Скажи спасибо своей матушке. Да и лицом ты на мать больше похож, что тоже пригодится. А я тебя много чему другому научу. Такому, чему далеко не всякого обучить можно. Есть в тебе божий дар, и грех его в землю зарывать. Эх, если бы я тебя с самого рождения знал… Стал бы ты великим характерником, а так… Слишком много времени потеряно, этому надо сызмальства начинать учиться. Но кое-что я все же сделать смогу. Дар твой раскрою, насколько получится, и если Господь мне на то время даст. Согласен учиться, Иван?

– Согласен, дядько Матвей!

Глава 1
Неожиданное предложение

Весна 7182 года (1674 от Рождества Христова) выдалась ранней. В Черкасске царило сильное оживление. В прошлом году прибыл большой караван на Дон, а теперь царь московский Алексей Михайлович прислал большой отряд служилых людей для совместного похода с казаками против турок и татар. Вовсю шла подготовка, и многие мальчишки с завистью смотрели на казаков, собирающихся в очередной поход. Здесь же сновали московские стрельцы в ярких кафтанах. Все говорило о том, что за турок собираются взяться всерьез. В прошлом году отряд казаков во главе с атаманом Михайло Самарениным прорыл засыпанный турками проход через Казачий Ерик и вышел в Азовское море, но остановился на зимовку в устье Миуса. Собирались возвести там крепость, чтобы использовать ее как базу для дальнейших походов. Небольшую крепость возвели, но… Увы, место выбрали неудачно, и в весеннее половодье ее затопило водой. Сейчас нужно было взять реванш, поэтому работа кипела.

Не составлял исключения и Иван Платов, с завистью поглядывая на большие морские струги. Вскоре они уйдут к турецким и крымским берегам, а он снова останется здесь. Мал еще, не хотят его брать в поход, более опытных казаков хватает с избытком. По большому счету Иван это и сам понимал. То, что он хорошо умеет стрелять из всего, что стреляет – от лука до винтовальной пищали, это еще не делает его хорошим бойцом. Выстрелить можно столько лишь раз, сколько у тебя в наличии заряженных стволов, после чего вся надежда только на добрый клинок. А все казаки уверены, что в бою на саблях ему долго не выстоять против взрослого и опытного янычара. Что годами мал, что богатырской статью не вышел. Если только… А вот об этом его учитель, казак Матвей Колюжный, велел молчать, как рыба. Чем меньше про него знают, тем лучше…

Иван и Матвей сидели в доме за большим столом, на котором была разложена турецкая карта Черного моря, и занимались изучением искусства мореплавания. Как управлять казацким стругом и большим турецким кораблем, если его удастся захватить в целости. Как определять свое место в море вдали от берегов по солнцу и звездам, как предугадывать погоду и многое другое. Матвей Колюжный сам удивлялся успехам своего ученика. Хоть он и понимал, что потерянного времени не вернуть, поскольку начинать готовить сильного характерника надо буквально с первых месяцев после рождения, но и то, чего удалось добиться, его поражало. На такой успех он поначалу даже не рассчитывал. Дар Ивана оказался не просто сильным, а *очень* сильным. И в умелых руках старого казака-характерника раскрылся если и не в полной мере, то близко к этому. Поэтому Матвей решил несколько изменить направленность подготовки, сделав из Ивана в первую очередь не бойца для боя в строю, а лазутчика-одиночку. Когда Ивану исполнилось десять лет, и уже появились определенные успехи, он сказал ему без обиняков:

– Ваня, рубиться на саблях на палубе турецкого корабля или с янычарами на берегу – это не твое. Уже видно, что статью ты не в отца, а в мать пошел. Богатырской силы, чтобы подковы ломать и коня на плечи под брюхо поднимать, в тебе не будет. Да это и не нужно. Твоя сила в другом. Никто не ждет опасности от хлопца, не похожего на богатыря, у которого к тому же еще и не видно оружия. Владеть саблей, конечно, я тебя научу. И не только саблей. Но главное твое оружие – голова. И помни, что твоя сила не в руках и ногах, а внутри тебя. И умело пользуясь этой силой, ты любого врага одолеешь. Ты – прирожденный лазутчик, Иван. Из тех, кто один в поле воин.

– Но как это, дядько Матвей?! Как это – одному турок бить?!

– Не совсем одному, но казакам от тебя в походе великая польза будет. Сможешь пройти мимо вражеских постов, и никто тебя не заметит. Даже в ясный погожий день. Сможешь одолеть с ножом, на саблях или даже голыми руками любого турка, или черкеса. Пусть он даже будет намного сильнее тебя, вооруженный до зубов и в доспехах. Сможешь к страже незаметно подойти и всех вырезать. Хоть в поле, хоть в городе. Сможешь на всех, кто рядом находится, морок навести, и тебя за другого человека примут. А поскольку ты турецкий хорошо знаешь и лицом в мать пошел, то тебя и так все за турка принимать будут. Сможешь целый отряд врага заставить видеть то, чего нет. А то, что есть, они не заметят и пройдут мимо. Как, достаточно?

– Ух ты!!! Неужели так можно?!

– Можно, Ваня. Если только хорошо будешь мою науку учить и крепко язык за зубами держать. Хоть мастерству характерника далеко не всякого обучить можно, но помни, что такие люди могут не только среди казаков, но и среди турок, и среди татар, и среди черкесов найтись. Не нужно, чтобы наши секреты врагам достались…

Сегодня они занимались делом, к мастерству характерников напрямую не относящемуся, но тем не менее очень нужному. Матвей был хорошим моряком, изучавшим в свое время искусство навигации у генуэзцев, венецианцев и франков, освобожденных из турецкого плена и сохранивших различные книги по навигации и астрономии. Хоть книги были в основном на французском, но Иван к этому времени уже освоил и его. За урожденного француза, конечно, он бы выдать себя вряд ли смог, но вот за турка, знающего французский, вполне. И теперь старательно изучал искусство водить корабли, удивляясь, как люди смогли додуматься до такого. Плохо было лишь то, что за все эти годы им так и не удалось выйти в море – турки стерегли выход из Дона. А брать с собой малолетнего хлопца в поход, прорываясь с боем мимо Азова, ни один бы атаман не стал.

Неожиданно раздался стук в дверь, и в хату вошел отец Ивана. Поздоровавшись и обняв сына, поинтересовался, как идут успехи в изучении наук, и лишь потом сказал, зачем пришел.

– Матвей, нам хороший кормчий нужен. Собираемся идти на турка, а знающих людей не хватает. Тех, кто может лишь саблей махать, хоть отбавляй. А вот тех, кто сможет не только со стругом, но и с большой турецкой галерой управиться, да привести ее, куда надо, маловато. Из московских служилых людей так вообще никого нет, кто с морем знаком. Ты бы как, пошел?

– Эх, Степан, Степан… И где ты раньше был? Пошел бы, да годы уже свое берут… А Ивана возьмешь?

– Ваньку?! Да ему ведь только пятнадцать лет недавно исполнилось! Какой из него боец?! Я сына на верную смерть не пошлю.

– Так я и не говорю, что он будет саблей махать. Ты ведь о кормчем спрашивал?

– Ваньку – кормчим?!

– А что? К тому же не кормчим, а помощником кормчего. Тем, кто в навигацких науках силен и сможет самую большую турецкую галеру от Босфора к Дону привести.

– Ванька, ты что, и взаправду сможешь?!

– Смотря что, батя. Смогу ли управлять большой галерой, нефом или галеоном – не знаю, никогда не пробовал. Хотя дядько Матвей меня этому и учил, да только опыта у меня нет. Где тут, на Дону, галеон взять? Но вот определять место в море, когда берегов не видно, и какой именно курс держать надо, смогу. А искусство навигации что на большом корабле, что на маленьком, одинаково. И если кто знающий поможет с парусами на большом галеоне управиться, то приведу этот галеон туда, куда скажут. А еще я по-турецки и по-французски не только хорошо говорю, но и грамоту ихнюю знаю. И если какие бумаги надо будет прочесть, или написать чего на турецком, или на французском, тоже смогу. Итальянский тоже знаю, но похуже.

– Ну, Ванька… Ладно, поговорю с атаманом.

– Это не все, Степан. Твой сын – уже хорошо подготовленный лазутчик, который легко сможет выдать себя за турка. Вплоть до того, что сможет незамеченным во вражеский стан проникнуть, все, что надо, узнать и также незамеченным уйти. Либо один, либо с небольшим отрядом казаков, который он прикроет.

– Матвей, неужто получилось?! Иван – характерник?!

– Получилось, Степан. Господь смилостивился и помог мне, хотя я поначалу такого успеха и не ожидал. Ты, как отец, это знать должен. Но жене лишнего не говори. Сам знаешь, бабий язык – что помело. Выучился хорошо сын наукам, и слава Господу. Подробности ей знать не надо. А вот другим – вообще никому и ничего. Чем меньше про Ваню будут знать, тем лучше. Для всех он – помощник кормчего, в европейских навигацких науках сведущий, а также писарь и толмач с турецкого и французского. Остальное – только для атамана. А там уже атаман решит, кого в это дело посвятить, и кто с Ваней к туркам в гости ходить будет. Но об этом я еще сам с ним поговорю.

– Добре, Матвей. Я молчать буду, ты меня знаешь…

Когда отец ушел, Иван с удивлением посмотрел на своего наставника.

– Дядько Матвей, а почему ты ничего не сказал о том, что я в душу человеческую заглянуть могу? И все, что там скрыто, узнать? Лучше, чем любой кат?

– А об этом, Ваня, вообще никому знать не следует. Иначе очень многие паны и цари захотят тебя либо своим цепным псом сделать, либо извести по-тихому. Слишком опасен ты будешь для них. Запомни, как «Отче наш» – об этом *никому*! Про то только мне да Господу ведомо. Используй свой дар, но так, чтобы никто ничего понять не мог. Ежели с умом к делу подойти, то это не так уж и трудно. И казакам польза будет, и ты себя для дела казацкого сбережешь.

– И батьке ничего не говорить?

– Батьке – в первую очередь.

– Но почему?!

– Есть на то причины, Ваня. Батька ведь есаулом в поход идет, и если о твоем даре узнает, то постарается с твоей помощью из пленных турок все вытягивать. Да и не только из турок. А скрыть это уже не получится. Были бы в походе одни казаки, еще куда ни шло. Но ведь там и московские стрельцы будут. А среди них как пить дать и подсылы царя московского. Не может такого быть, чтобы их там не было. И если только прознают что про тебя, обязательно донесут. А после этого можешь забыть о вольной жизни. Тебя постараются либо купить, либо убить, поскольку выкрасть и силком заставить на царя работать не получится. Так что, Ваня, ни-ко-му!!! Ты для всех в походе толмач и писарь. Чернильная душа, одним словом. Ежели удастся большой турецкий корабль захватить в целости и с хорошим грузом, что можно будет его сюда привести, станешь еще и навигатором, как франки и генуэзцы это называют. Про дела лазутчика кроме атамана, твоего батьки и тех казаков, что с тобой пойдут, другим казакам знать не надобно. А уж царевым людям – тем более.

– Но ведь все будут знать, что я с казаками к туркам в тыл пошел!

– Как толмач. А от толмача большого умения владеть саблей, ружьем и пистолем не требуется. Ему главное язык хорошо знать надобно. Ежели никто из вас не проболтается, то никто ничего и не узнает. Лихие времена наступают, Ванюша. До чего дошло – даже от своего брата казака таиться приходится. Опасаюсь я, что конец скоро придет нашей вольной казацкой жизни. Неспроста здесь эти гости московские появились, и уже кое-кого на свою сторону перетянули. Ежели только Господь за казаков не вступится…

В тот же день Матвей Колюжный, приодевшись и нацепив богато украшенную польскую саблю, отправился к атаману. Иван был одет поскромнее, сабли при себе не имел и старался

наиболее достоверно соответствовать образу «чернильной души». На вопрос – а зачем понадобилось брать эту усыпанную каменьями «висюльку», от которой мало толку в бою – ведь есть у Матвея прекрасные черкесские, турецкие и дамасские клинки, наставник лишь хитро усмехнулся.

– Умело пустить пыль в глаза – это тоже своего рода наука, Ваня. Запомни, что встречают по одежке. Мы ведь не только с казаками разговаривать будем, но и с людьми служилыми. А они это до своего начальства обязательно донесут. Ты пока еще годами мал, поэтому на тебя особо и не посмотрят, а вот мне надо соответствовать. Ибо через меня и к тебе уважение появится, как к моему ученику. Ничего не поделаешь, жизнь так устроена!

Казачий городок Черкасск, раскинувшийся на правом берегу Дона и уже давно ставший своеобразной столицей донского казачества, давно не видел такого столпотворения. Даже в буйные времена Стеньки Разина, не к ночи будь помянут. Сейчас же на улицах было не протолкнуться как от прибывших из других городков казаков, так и государевых людей. На базарной площади стоял привычный шум и гам, сновали вездесущие мальчишки, кто-то торговался, кто-то выяснял отношения, кто-то спешил по своим делам. Матвей и Иван, не обращая внимания на это вавилонское столпотворение, прошли к дому атамана, где Матвей доложил, что прибыл по важному делу. На слова, что атаман занят, и попытки выяснить «какого…», так глянул на вопрошавшего, что того как ветром сдуло. Однако гостей здесь, по-видимому, ждали, поскольку поступил приказ пропустить незамедлительно.

Войсковой атаман Корнилий Яковлев действительно был занят – что-то обсуждал с атаманом Михайло Самарениным, совсем недавно вернувшимся из Азовского моря. Попытка закрепиться на берегу Миуса не удалась, и теперь надо было решать, что делать дальше. Однако, увидев Матвея, атаман прервал разговор и встал, поздоровавшись со старым казаком. После положенных вопросов о здоровье и прочем кивнул на Ивана:

– Так значит, это и есть тот хлопец, о котором ты говорил, Матвей? Такой малый, и уже характерник?

– Истинно так, Корнилий. Ты меня не первый год знаешь, и знаешь, что я за свои слова ручаюсь. Есть божий дар у хлопца. Было бы время, еще бы его малость подучил, да видно не судьба. Основное он знает, а то, что осталось, своим умом дойдет. Как на духу тебе говорю – добрый казак-характерник будет. Славу казацкую и дело не посрамит, и даром своим много казацких жизней спасет. Но только у меня серьезный разговор к вам, господа атаманы. Хорошо, что вы оба здесь. И то, что я скажу, никому другому знать не положено. Окромя есаула Степана Платова – его батьки, и тех казаков, что с Иваном пойдут…

Пока Матвей говорил, Иван помалкивал и с интересом осматривался. Все же в атаманском доме он был впервые. Враждебности от присутствующих здесь людей он не ощущал, только обычное любопытство. Когда Матвей закончил, оба атамана с интересом уставились на стоявшего перед ними подростка.

– Ай да Иван Платов, Степанов сын! Если бы кто другой про тебя такое рассказал, то я бы не поверил. Но Матвея я давно знаю, и если уж ему не верить… Как, пойдешь в поход на турок?

– Пойду, атаман!

– Добре. Значит так, Иван. Про то, о чем мы здесь говорили, никто знать не будет. Подберем тебе с десяток казаков, которые не только саблей махать, но и язык за зубами держать умеют. В воинских делах ты еще малосведущ, поскольку в бою не бывал, поэтому командовать во время вылазки будет кто-то из бывалых казаков, а ты ему поможешь тем, что умеешь. Если нужда появится одному к туркам идти, не побоишься?

– Не побоюсь!

– И корабль турецкий через море приведешь, когда берегов не видно?

– Приведу!

– Ладно. Для всех в походе ты будешь толмачом и писарем. Плохо то, что там не только казаки, но и московские служилые люди будут, а командовать всем царев человек поставлен.

– Царев?!

– Да. Полковник Григорий Косагов – прибыл в прошлом году на Дон с двумя полками солдат и с восемью стрелецкими приказами. Ходили на Азов, пытались его взять, да только ушли не солоно хлебавши. И отказать я не могу. Слишком сильно этот вор Стенька Разин все испоганил, что теперь казакам в Москве веры нет. Но ничего лишнего никто из государевых людей знать не будет.

– Но как же тогда я буду с казаками к туркам ходить? Вдруг он кого-то из своих вместе с нами послать захочет?

– Не захочет, если ему толком объяснить. Ну, а ежели вожжа под хвост попадет, то… Мало ли что во время вылазки может случиться. На засаду напороться можно, или шею свернуть ненароком… Всяко бывает.

– Так ведь бывает, что и полковники могут на засаду напороться.

– Ишь ты, какой шустрый! Иван, будем считать, что я твоих слов не слышал. Не все так просто, поверь. Нельзя нам сейчас с московским царем в открытую ссориться. Ну, а если сей царский полковник себя паном почувствует и казаков за своих холопов считать станет… В бою ведь стреляют, а пуля не разбирает, кто перед ней – простой стрелец или полковник. Что делать, все под Богом ходим.

– А что так? Почему с царем ссориться нельзя?

– Вот любопытный! Ежели на пальцах объяснять, то царь уже давно нас под себя подмять хочет, своими холопами сделать и земли наши к рукам прибрать. Да только выходит не очень. Вот и заигрывает с нами. Припасы каждый год присылает и людей служилых. Но и нам от его помощи отказываться тоже невыгодно. Вот так и живем. Поэтому, Иван, мой тебе наказ – с московскими служилыми людьми свар не затевать, и все, что говорит этот полковник царский, выполнять. Ясное дело, если только он против казаков чего не умыслит. Ну, а ежели умыслит, то тут уже Михайло решать будет, что делать. А ты ему поможешь, коли он попросит сделать все тихо. Уразумел?

– Уразумел, атаман!

– Вот и ладно. А теперь слушайте, казаки. Есть еще кое-что очень важное. Пока об этом мало кто знает, но скоро по всем городкам такое рассказывать начнут, что на сказки будет похоже. Слыхали, что в индейских землях за Атлантическим окияном какие-то тринидадцы появились? Будто бы Господь их сюда отправил из другого мира?

– Слыхали. Врут, поди. Сплошные чудеса рассказывают.

– Может, что-то и врут. А только прошлой весной эти тринидадцы в Архангельске объявились. Пришли на шести огромных кораблях, никто таких еще не видел.

– Ну?! А откуда про то прознали?

– Гонцы вчера из Москвы прибыли. И сказывают, что действительно те корабли без парусов и без весел ходить могут, причем очень быстро. А сами тринидадцы есть как на нас похожие, так и дикари настоящие. Но все крещеные, нехристей среди них нет. Говорят, что они русские, державу свою называют Русская Америка, и речь их на нашу очень похожа. Причем три корабля назывались – никогда не угадаете. «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах» и «Пересвет»!

– Неужто православные?! Ведь схизматики свои корабли так никогда бы не назвали! Но… А не врут?

– В том то и дело, что не врут. Весь Архангельск их видел, они там долго простояли. Ясное дело, что-то приврали, но основное правда. Но это не главное. А главное то, что эти

русские тринидадцы, или как их там называть, предложили царю не только торговлю наладить, но и с крымскими татарами все порешать. Чтобы извести это змеиное гнездо раз и навсегда.

– А им с того какая выгода, если они аж за окияном живут? И как они это сделают?

– Того не знаю. Но раз предложили такое… Три их корабля в позапрошлом году весь аглицкий флот в Немецком море разнесли в пух и прах, ничего не оставили. Причем один из них – фрегат «Дмитрий Донской». Тот самый, что в Архангельск приходил. Это уже верные сведения. Так что, думаю, и на татар у них сил хватит.

– А турки?

– Вот про турок не ведаю. Поэтому, казаки, если встретите их корабли, не вздумайте нападать. И сами ни за понюх табаку пропадете, и казаков с этими русскими немцами рассорите. Негоже нам от такого союзника отказываться. Ежели они действительно татар изведут, то уже за одно это с ними дружить стоит. Отличить их в море легко – таких громадных кораблей ни у кого нет. Мачты с парусами хотя и имеют, но могут и без парусов ходить, причем дым при этом из высоких труб между мачтами идет. А флаг у них белый с косым крестом синего цвета, не спутаете. Коли повстречаете, попробуйте дружбу с казаками предложить. Ежели сладится, то тогда и царь московский притихнет. Давно ли его послы перед казаками шапку ломали…

Переговорив с атаманами, Матвей отправился домой, а Иван решил зайти на базар прикупить письменных принадлежностей. Он ведь теперь идет в поход и утвержден самим войсковым атаманом в должности толмача и писаря. Поэтому лучше запастись всем необходимым заранее. Побродив по базару и сделав покупки, а заодно послушав последние сплетни, собрался уже возвращаться, как неожиданно столкнулся нос к носу со своим старым врагом – Прохором Рябовым. Причем не одним, а с двумя дружками. Надо же, давно не виделись… Прохор тоже был удивлен встречей и тут же принялся за старое.

– А это еще что за чудо?! Ежели платье надеть – ну чисто девка будет! Постой-постой… Неужто ты, Ванька?

– И тебе здравствовать, Прохор.

– А что это ты тут крутишься, Ванька?

– Да вот, зашел бумаги, перьев да чернил прикупить. В поход иду…

– Ты – в поход?!

Слова Ивана были прерваны хохотом всей троицы. Сам же Иван молчал и ждал. Он прекрасно понимал, что разойтись миром не получится. Прохор сам ищет ссоры. Надеется на свою силу, просто не воспринимая его как противника. Ну что же, устроим потеху…

Между тем смех пошел на убыль.

– И что же ты в походе делать будешь, чернильная душа? Письма писать? А кому они там нужны? Или, может, кашеваром? С поварешкой на турка ходить?

– Могу писарем, могу кашеваром. А могу и катом. Я ведь, Проша, хороший кат. И многое могу.

Смех сразу стих. Два незнакомых парня глянули на Ивана с нескрываемым интересом, а Прохор со злобой.

– Так уж и многое? А вот если я тебя сейчас нагайкой перетяну, что делать будешь?

– Отберу нагайку и ей же тебя отхожу, чтобы хоть немного дурь выбить.

Повисла тишина. На них уже обратили внимание, и вокруг начала собираться толпа. Один пожилой казак попытался урезонить наглеца:

– Уймись, Прохор. Имей совесть, не задевай хлопца…

Но Рябов не внял совету. Выругавшись, он замахнулся нагайкой и ударил. Вернее, попытался ударить. Иван внимательно наблюдал за противником, движения которого стали для него замедленными и легко предсказуемыми. Он быстро сместился в сторону, из-за чего летящая вниз нагайка прошла мимо, одновременно рванувшись вперед и перехватив руку противника,

лишая его оружия. Незаметный удар в нужную точку, и Прохор валяется на земле, скривившись от боли. Для окружающих это заняло одно мгновение, и все удивленно ахнули. Иван же, как ни в чем не бывало, снял с плеча короб с письменными принадлежностями, поставил его на землю и осмотрел нагайку.

– Хороша… Прошка, тебе разве не говорили, что нагайка – не игрушка? И давать ее в руки неразумным детям нельзя? Запомни это как следует и без нужды ей не размахивай.

И с этими словами стал охаживать Прохора, приговаривая отеческим голосом о недопустимости подобного поведения, только пыль заклубилась. В толпе раздался хохот. Друзья Прохора, может, и хотели бы вмешаться, да не рискнули. Вокруг собралось уже много народа, причем все были на стороне Ивана. Иван же, вдоволь помахав нагайкой, засунул ее себе в сапог и плюнул на старого врага.

– Прошка, как был ты дураком, так и остался. Думаешь, если ряху нael и нагайку в руки взял, то настоящим казаком стал? Тебе до казака еще расти и расти. А то, что я хороший кат, сущая правда. И не приведи Господь тебе в мои руки попасть. Соловьем заливаться будешь…

Подхватив короб и закинув ремень на плечо, Иван зашагал к дому, ощущая на себе множество взглядов. Большей частью одобрительных. Он понимал, что нажил смертельного врага, который приложит все силы, чтобы расквитаться. Такого унижения Прохор не простит. Самому затеять драку, в результате которой тебя отлупили собственной нагайкой, да такого никто не припомнит! Он станет посмешищем для всех казаков. Иван же, наоборот, был доволен сложившейся ситуацией. Хорошо зная мерзопакостную и несдержанную натуру Рябова, специально постарался спровоцировать его на ссору при большом количестве свидетелей. Потому что иметь в походе за спиной такого «товарища» и турок с татарами не надо. Зато теперь дальнейшие действия Прошки легко предсказуемы. Он из кожи вон вылезет, но постарается исподтишка убить Ивана, и взять его с поличным будет несложно. И тогда уже разговор пойдет совсем другой. А вообще, черт с ним, с этим Прошкой! Других дел перед походом, что ли, нет?

Глава 2
На взморье

Отряд из двадцати пяти больших морских стругов быстро двигался вниз по Дону. Скрыть такое невозможно, и турецкие разъезды обнаружили отряд задолго до Азова, но вот о дальнейших планах незваных гостей турки могли только гадать. Пойдут ли казаки на Азов или попытаются прорваться в море – это пока неизвестно. То, что турецкие подсылы смогли узнать в Черкасске (а такие наверняка есть, всех не выловишь) и сообщить в Азов, не обязательно соответствует истине. Хоть и были пущены самые противоречивые слухи, в том числе и то, что ожидается очередной штурм Азова, но ни атаман Михайло Самаренин, ни полковник Григорий Косагов, командующий сводным отрядом из почти полутора тысяч стрельцов и казаков, на это особо не надеялись. Незадолго до выхода удалось узнать, что во всех местах, более-менее подходящих для прохода больших стругов, турки выставили засаду, задача которой – вовремя сообщить о появлении казаков и сразу же уходить. Поэтому все понимали – в Азовское море придется прорываться с боем. Вопрос лишь в том, где именно. Идти через самое широкое и глубоководное гирло Песчаное, где стоит Азов, то есть прямо под турецкие пушки, смысла нет. Можно пройти через мелководный Казачий Ерик, где прошли в прошлый раз, или через Каланчу, Свиное гирло, но турки это тоже хорошо понимают и именно там и ждут. Если подует «низовка», сильный западный ветер, то уровень воды в нижнем течении Дона заметно поднимется, и даже самые мелководные протоки, скрытые зарослями камыша, станут доступны для прохода казачьей флотилии. Но уповать на «низовку» не стоит. Ее можно прождать не одну неделю, а время уходит.

Перед отходом состоялся совет, на котором Самаренин предложил подойти ночью к Казачьему Ерику, выслать вперед разведку на легком быстроходном челне, и если там ждет засада, то по-тихому ее вырезать, чтобы турки не успели поднять шум. На удивленный вопрос полковника Косагова, а каким образом турки могут помешать выходу, находясь в Азове, ему доходчиво объяснили, что если под Азовом стоит сильная эскадра военных галер, то получив сигнал тревоги, они окажутся в море довольно быстро. И тогда надо будет либо вступать с ними в бой, либо сразу уходить назад в гирла Дона. Если вступать в бой с большими силами турок, это может привести к большим потерям при весьма и весьма скромных возможных трофеях. Что ценного можно взять с военной галеры? Разве что пушки и огневой припас, да денег по мелочи. Но тут как повезет. Спрашивается – зачем выходили? Возразить было нечего, поэтому Косагов согласился. Усомнился лишь в возможности устранить засаду без лишнего шума, на что Самаренин заверил его, что казаки справятся. Привлекать стрельцов к этому делу не стоит, против чего полковник нисколько не возражал.

Решив вопрос с разведкой, атаман сразу же после совета вызвал десятника Петра Трегубова – матерого казака, побывавшего во многих делах и привыкшего наведываться «в гости» к туркам и татарам, когда его не ждали. Человека храброго и умелого. Но была у Петра еще одна черта, которая решила выбор в его пользу. Он умел держать язык за зубами в любой ситуации. И даже во хмелю соблюдал меру, хорошо помня, что у трезвого на уме – то у пьяного на языке. А уж секретов в его голове, о которых лучше не болтать во избежание потери этой самой головы, было немало. Правда, казак очень удивился, когда ему представили Ивана и объяснили его роль в предстоящем деле.

– Этот хлопчик – характерник?!

– Да, Петро, характерник. Причем не из последних. Сам Матвей Колюжный его учил и слово дал. А слово Матвея ты знаешь.

– Чудеса, да и только!!! Тогда другое дело, атаман. От меня чего-нибудь надобно?

– Ты будешь старшим в отряде лазутчиков. Подбери с десяток казаков – больше не надо. Но таких, чтобы не только саблей, ружьем и пистолем хорошо владели, но и язык за зубами держать умели. Что в трезвом виде, что в пьяном. Для всех Иван идет с вами как толмач. Про остальное – никому ни слова. Все делаете, как обычно, но если потребуется мимо стражи незаметно пройти, или незаметно к ней подобраться, или от погони спрятаться, тут он вас и прикроет – всем ворогам глаза отведет. А надо будет, и за турка себя выдаст. Ну и как толмач с турецкого и французского тоже вам пригодится. Уразумел, Петро?

– Уразумел, атаман. Только десяток казаков, чтобы молчали как рыба, я вряд ли найду. Во хмелю кто-то все равно проболтается.

– А за скольких поручиться сможешь?

– Пожалуй… за пятерых. Загоруйко Федор, Потапов Григорий, Рогозин Игнат, Шпак Дмитро и Коваль Семен. Эти точно молчать будут.

– А не мало?

– Хватит. Если и взаправду хлопец умеет глаза отводить, то больше и не надо. Управимся.

– Добре, Петро. Пойдете все на моем струге, чтобы под рукой были, и подальше от этого московского полковника. А там – как Бог даст…

Теперь Иван вспоминал этот разговор и думал о предстоящей в ближайшую ночь своей первой вылазке. Хоть атаман и велел ему спать, но разве сейчас уснешь. Мимо проплывали берега Дона, кое-где поросшие камышом, кружили в воздухе чайки, и только мерный плеск весел нарушал тишину. Здесь уже не было ни одного казачьего городка, и на берегу легко можно было напороться на турецкий конный разъезд. Но берега были пустынны, и казачья флотилия шла вниз по Дону, не привлекая внимания. Далеко позади остались многолюдный Черкасск, мать, братья и сестренка. В этот поход отправились только они с батькой, остальные казаки в семье Степана Платова еще до походов не доросли. Иван хорошо помнил, как мать перекрестила его на виду у всех и обняла, пустив слезу. Но обняв, шепнула по-турецки:

– Да хранит тебя Аллах, сынок. Не удивляйся, Господь един, только имена у него разные. Ежели вдруг к туркам попадешь и надо будет за турка себя выдать, не забывай в нужное время намаз совершать, а то сразу заподозрят. Возвращайся скорее…

Впрочем, Иван и сам это понимал. Если он окажется среди турок и будет выдавать себя за турка, то надо ничем не отличаться от них. Все ритуалы и нормы поведения, присущие подданным султана Османской империи, он знал. Но одно дело знать и совсем другое применять в жизни, выдавая себя за другого. Что ни говори, а поджилки все же тряслись. Правда, до этого пока далеко, и еще неизвестно, понадобится ли. А вот расклад на ближайшую ночь уже известен. Флотилия после захода солнца остановится у правого берега, немного не доходя до Казачьего Ерика, а разведчики – он и еще шестеро казаков, на легком быстроходном челне, специально взятом для этой цели, отправятся в протоку – узнать обстановку. Если никакой засады нет, либо удастся по-тихому ее убрать, то возвращаются к своим, и отряд как можно скорее выходит в море, чтобы не переполошить турок. Разведочный челн придется оставить, притопив его в надежном месте, поскольку в море от него толку нет. Ничего, на обратном пути заберут, а если времени забирать не будет, то невелика потеря. Если же не удастся обойтись без шума, то тут уже придется смотреть, как дело пойдет. Может быть, у турок поблизости ничего серьезного и нет. Одна-две галеры – не тот противник, чтобы помешать казакам. Сам же Азов – не помеха. Он далеко, и его пушки сюда не добьют. А если какие и добьют, то только при стрельбе навесом. Даже днем точность такой стрельбы крайне низкая, если не сказать – никакая, а уж стрелять в ночной темноте по донским гирлам, заросшим камышом, это вообще впустую переводить порох и ядра. Но вот если галер будет десяток и больше…

Когда скрылось солнце и темнота окутала близкие берега, казаки какое-то время еще продолжали двигаться вниз по Дону. Наконец, достигнуто облюбованное заранее место стоянки, и струги подошли к берегу. Вокруг – ни огонька. Ветра почти нет, плещет вода возле борта, и многочисленные лягушки уже начали свое «хоровое пение». Иван внимательно вглядывался в темноту, но присутствия людей поблизости не обнаружил. Так, одно лишь зверье вокруг. Это днем донские степи выглядят пустыми, а ночью тут довольно оживленно. Иван переглянулся с атаманом и молча кивнул – все спокойно. Пора начинать.

Легкий низкобортный челн бесшумно скользит по воде. Иван занял место на носу и вошел в состояние «хара», когда чувства обостряются до предела. Справа и слева стоит темная стена камышей, иногда прерывающаяся прогалинами, через которые виден берег бесчисленных островков, заполняющих гирла Дона. Небо ясное и усыпанное звездами. Луна уже взошла, отсвечивая на воде, что вызывает недовольство казаков. Но Иван спокоен, лунный свет ему не помеха. Наоборот, усыпит бдительность врага. Местное зверье давно проснулось и вовсю занято своими делами. Но только зверье, больше поблизости никого нет. Челн скользит дальше. Узкий Казачий Ерик пройден, и челн выходит в широкую и более глубоководную протоку, идущую до самого моря. Казаки гребут, стараясь создавать как можно меньше шума. Очередной поворот, и стало ощущаться присутствие людей. Вскоре потянуло дымком. Все ясно, засада есть. И причем довольно безалаберная, если палят костер. Огня хоть и не видно, но дым чувствуется очень далеко. Эх вы, горе-сторожа…

Иван поднял руку, предупреждая об опасности. Одновременно два казака перестали грести и приготовили луки. Ни ружья, ни пистоли применять сейчас нельзя. Челн медленно и совершенно бесшумно движется вперед. Вот очередная прогалина в камышах, и в глаза бросаются две лодки. На берегу кучка людей – не меньше десятка. Горит небольшой костерок, тщательно укрытый чем-то с боков, чтобы не видно было пламя, возле которого сидят трое. Судя по одежде – турки. Остальные, похоже, спят. Сидящие у костра время от времени поглядывают на протоку и прислушиваются, но опасности не замечают.

Челн медленно приближался к месту стоянки, пока не уткнулся носом в берег, и казаки стали осторожно выбираться на сушу. Что командир отряда разведчиков Петр Трегубов, что остальные казаки не верили своим глазам. Буквально в нескольких шагах от них сидели вооруженные турки, иногда даже смотрели в их сторону, и *не видели*!!! Еще мгновение, и они застыли, глядя на огонь. Петр дал знак, и первыми в ножи взяли сидевших у костра. Никто даже не пикнул. Затем настала очередь спящих. Это не заняло много времени. Когда все кончилось, Петр перевел дух и глянул на Ивана.

– Ну, Ваня, земной поклон тебе от всех нас! Никогда такого не видели, а уж чего только ни повидали… Теперь верю, что ты настоящий характерник! Правда, казаки?

– Правда, Петро!

Но Иван тяжело вздохнул и сел на землю.

– Устал я, казаки. Передохнуть бы мне чуток. Никогда ведь еще душегубством не занимался.

– То ничего, Ваня, не удивляйся. В первый раз завсегда так бывает, привыкнешь. Хоть не блюешь, и то дело. А некоторых так вообще наизнанку выворачивает. Больше тут никого нет?

– Никого не чувствую. Но до моря дойти все равно надобно, чтобы проверить.

– Дойдем. Ты как, не мутит?

– Вроде нет.

– Отдыхай пока, а мы раков покормим. Негоже турок здесь оставлять, найдут еще. А так могут подумать, что сбежали…

Казаки начали стаскивать трупы к воде, а Иван сидел возле костра, смотрел на огонь и думал. Все, что было раньше, было учебой. Сейчас началась взрослая жизнь. Он впервые

ощутил, что находится на войне. Войне, которая будет продолжаться всю его жизнь. Долгую ли, короткую ли, это ведомо только Всевышнему. Но уж неспокойную и богатую на события, это точно. Такова судьба всех казаков, и не ему ее менять…

Наконец, казаки закончили «уборку» и сели в челн, с интересом и опаской поглядывая на Ивана, все так же молча сидевшего у костра, чье лицо казалось застывшей маской, временами озаряемой вспышками пламени.

– Ваня, ты как? Нам пора.

Старший из казаков окликнул Ивана, на что тот поднял голову и глянул на своих товарищей. Уж на что Петро Трегубов был лихой рубака, не боявшийся ни турок, ни татар, ни черта, ни дьявола, но от взгляда пятнадцатилетнего хлопца у него мурашки по спине побежали. Впрочем, наваждение тут же исчезло, и Иван вскочил как ни в чем не бывало.

– Все в порядке, Петро, задумался я что-то. Сейчас до выхода дойдем, но вряд ли там кто-то еще будет. И сразу назад. Надо как можно скорее в море выходить и успеть подальше уйти, пока не рассвело. А то, не ровён час, если у Таганьего Рога турки стоят, то обязательно нас заметят, когда рассветет. А все двадцать пять стругов от их взгляда я укрыть не смогу.

– Струги… укрыть?! Ты и это можешь?!

– Могу, но только тот, на котором сам находиться буду. Или если еще кто-то рядом борт к борту будет идти. Но ведь так грести не получится, да и под парусом идти неудобно. Только ни слова об этом, казаки!

Что Петр, что остальные казаки только крестились, и с удивлением смотрели на Ивана. С *таким* они еще не сталкивались. Но недавнее бесшумное снятие засады было фактом, с которым не поспоришь. Если бы их не предупредили заранее о том, что этого хлопца долгие годы учил известный характерник Матвей Колюжный, то впору было поверить в происки нечистого.

– Про то можешь не напоминать, Ваня. Будем молчать как рыбы.

– Все, казаки, пошли дальше. Не волнуйтесь, не подведу…

Челн с разведчиками снова бесшумно заскользил вниз по Дону. Сверху светили луна и звезды, а вокруг стояла тишина, нарушаемая только шелестом зарослей камыша и «пением» лягушек. Оставшийся путь до моря прошел без приключений, засада после Казачьего Ерика оказалась единственной. В других протоках, доступных для больших морских стругов, она скорее всего тоже есть, но обнаружить тихо крадущуюся казачью флотилию не сможет. Перекрыть же все мелкие протоки – для этого не хватит никаких сил, чем казаки всегда успешно пользовались. А турецкий гарнизон пусть сидит в Азове и носа за крепостные стены ночью не высовывает. Целее будет.

Обратно прошли быстрее – таиться уже не было смысла. Трегубов доложил атаману результаты вылазки, особо подчеркнув роль Ивана. Атаман аж крякнул от удовольствия. С такой разведкой можно большие дела творить! Хотели сразу же выступить, но не тут-то было. Казаки быстро подготовились, а вот у московских стрельцов, непривычных к такому роду действий, возникла заминка. Как ни выходил из себя командующий всем отрядом полковник Косагов, но быстрее от этого дело не двигалось. В конце концов, с грехом пополам флотилия отошла от берега и направилась ко входу в Казачий Ерик. Впереди шел атаманский струг, на носу которого расположился Иван и снова проверял обстановку. Но все было тихо, и казачьи струги бестелесыми тенями скользили между стен камышей, иногда лишь появляясь на лунной дорожке на воде. Но со стен Азова заметить это было невозможно, и казачья флотилия беспрепятственно шла вперед.

Камышовые заросли редеют, а впереди открывается широкая водная гладь. Струги выходят из гирла Дона и ставят паруса, пользуясь легким попутным ветром. Настроение у всех сразу же улучшилось, раздались шутки и смех. Атаман разрешил отдыхать, а сам прошел на нос, где

по-прежнему сидел Иван и внимательно вглядывался в ночную темноту. Которая, впрочем, уже потихоньку отступала – небо на востоке начало светлеть.

– Ваня, что-то не так?

– Возле Таганьего Рога какие-то корабли стоят. А скоро рассвет. Ветер слабый, далеко уйти не успеем, все равно заметят.

– Турки?

– Больше некому. Причем не купцы, купцам там делать нечего.

Атаман недовольно фыркнул и стал говорить вполголоса, чтобы никто не слышал.

– Эх, если бы не эти стрельцы московские… Сколько времени из-за них потеряли… Ладно, ты пока подремли, по сторонам сейчас есть кому смотреть. Ну, а ежели там действительно турки, и нас заметят… Петро говорил, что ты и со стругом можешь то же проделать, как там – в ерике?

– Могу.

– И турки наш струг вообще не увидят?!

– Могу сделать, чтобы вообще не увидели. Могу сделать, чтобы за корягу на воде приняли. А могу сделать так, что увидят струг, да не в том месте, где мы находимся на самом деле. Морок наведу на пушкарей, и они будут палить туда, где ничего нет.

– Ну, Иван!!! Ежели это правда, то… Ладно, отдыхай пока. Рассветет, тогда и будет ясно, что дальше делать…

Иван устроился поудобнее и вскоре уснул, но спать пришлось недолго. Разбудили его крики и шум гребцов, рассаживающихся по местам. Проснувшись окончательно и оглядевшись, он все понял. Уже окончательно рассвело, и под северным берегом залива – возле мыса Таганий Рог были хорошо видны турецкие боевые галеры. Иван насчитал семь штук, но кто-то мог быть скрыт за корпусами ближайших кораблей. Турки тоже заметили казачью флотилию, спешно снимались с якоря и разворачивались в погоню. Ветер, как назло, еще больше стих, и вся надежда была теперь только на весла. Но бежать казаки не собирались. Флотилия из двадцати пяти стругов развернулась, выстроилась полумесяцем и пошла на сближение с противником. Вскоре турки тоже снялись с якорей и стали выстраиваться для боя.

Иван внимательно рассматривал разворачивающуюся перед ним картину. Девять крупных галер – серьезный противник. Связываться с таким опасно, если там не струсят при виде казаков. Похоже, не струсили…

Противники быстро сближались, идя навстречу друг другу. Более легкие и маневренные струги начали было охватывать турецкую эскадру с двух сторон, но тут ситуация неожиданно изменилась. Восемь стругов, в которых находились московские стрельцы, резко повернули и направились к берегу – в сторону донских гирл, откуда вышли совсем недавно. Тут же посыпались ругань и проклятия на головы беглецов. Флотилия казаков уменьшилась на треть и остановилась. Струги сблизились, чтобы решить, что делать дальше. Следовало хорошо подумать – а стоит ли в такой ситуации вообще связываться с турками. Атаман думал недолго и принял решение.

– Трем стругам отвлекать со стороны берега, но близко не подходить. Остальные заходят со стороны моря. Берем сначала крайнюю галеру, а потом, если все хорошо пойдет, – адмиральскую. Ко мне близко не подходить, пока не схвачусь с турком. А как схвачусь, сразу ко мне. Все понятно, казаки?

– Понятно, атаман! Не впервой!

– Ну, с Богом!

Атаман Михайло Самаренин снял шапку и перекрестился. Его примеру последовали все остальные. Снова весла ударили по воде, и легкие казачьи суденышки стали быстро набирать ход, охватывая турок с двух сторон. Адмиральская галера была уже опознана благодаря флагу, но не она была первоочередной целью, поскольку находилась в глубине строя. Дело

оставалось за малым – сойтись вплотную и забраться по высокому борту на палубу турецкого корабля. Правда, сначала надо преодолеть плотный артиллерийский и ружейный огонь со стороны турок, которых перспектива абордажного боя совершенно не устраивает. Но избежать боя уже не удастся. Противники неслись навстречу друг другу, налегая на весла. И вскоре первыми заговорили турецкие пушки. Со вполне предсказуемым результатом – ни одно ядро не попало в цель. Очевидно, турки на это и не рассчитывали, а хотели напугать казаков. Со стругов огня не открывали, так как это было бессмысленно.

Строй турецких кораблей приближался, и тут струги разделились. Три ушли на фланг, обращенный к берегу, ведя беспокоящий огонь из фальконетов, а остальные повернули в сторону моря и довольно быстро оказались в мертвой зоне для кораблей противника, находящихся в центре. Теперь по ним могли беспрепятственно вести огонь только две крайних галеры, но казаки не собирались играть роль мишеней и близко не приближались.

Для наблюдающего за боем со стороны ситуация могла показаться тупиковой. Тяжелые турецкие галеры удерживали казачьи струги на расстоянии огнем своей артиллерии, пытаясь занять более удобную позицию для стрельбы, а казаки не позволяли им это сделать, используя свое преимущество в скорости и маневренности. Почему-то они не шли на привычный им абордаж. Но вот один струг отделился от своих товарищей и помчался к корме галеры, находящейся с краю. Прямо под огонь ее кормовых пушек. Расстояние быстро сокращалось, и казалось, что безрассудных смельчаков может спасти только чудо…

И чудо произошло. С кормы турецкого корабля грянул залп почти в упор, и она окуталась дымом. Но… Картечь вспенила воду в стороне от струга! Струг же продолжал рваться вперед, перезарядить орудия турецкие канониры не успеют. В ответ затрещали выстрелы казачьих ружей и фальконетов, сметая с палубы всех, кто рисковал высунуться. Еще немного, и струг оказывается прямо под кормой галеры, в мертвой зоне для ее пушек. А в следующее мгновение абордажные крючья взлетели в воздух, намертво впившись в фальшборт. Тут же раздался леденящий душу и страшный для всех турок крик:

– Сарынь на кичку!!!

Казаки ринулись на вражеский корабль, быстро захватив кормовую часть палубы и сделав невозможной стрельбу кормовых пушек. Остальные казачьи струги тут же воспользовались благоприятной ситуацией, устремившись к корме галеры, на палубе которой кипел бой. Задействовать носовые орудия турки не могли, поскольку атакующие струги находились для них в мертвой зоне. Неожиданная помощь пришла со стороны гребцов-невольников, которые отказались грести. Вскоре уже семь стругов стояли под кормой у турецкого корабля, и перевес казаков в абордажном бою стал подавляющим. Турки сопротивлялись отчаянно, но силы были явно неравны. Остальные турецкие корабли ничем не могли помочь, поскольку пришлось бы стрелять по своим. Взять на абордаж практически захваченную галеру тоже не было возможности – казаков на ней уже было в несколько раз больше, чем на любом из турецких кораблей. Кроме этого, нельзя было забывать о возможном бунте среди гребцов, если что-то пойдет не так. Ведь они сразу поддержат казаков, если только поймут, что их поработители проигрывают.

Вскоре бой на палубе затих, поскольку турки были перебиты почти полностью. Оставили в живых только четверых пленных в богатой одежде. Сама галера повреждений практически не имела. Атаман окинул взглядом то, что творилось вокруг. Три струга продолжали отвлекать противника со стороны донских гирл, постреливая с дальней дистанции, но не приближаясь. Другие семь делали то же самое, но со стороны моря, угрожая возможным абордажем крайних кораблей, чем заставили турок сломать строй. Была хорошая возможность постараться захватить еще кого-нибудь, пока турки не бросятся удирать в сторону Азова. В данных условиях почти полного безветрия преимущество в скорости и маневренности было на стороне казаков, и турецкий командующий не может этого не понимать. Но пока еще у него боевой задор не прошел, можно увеличить количество трофеев…

– Будем брать следующего, казаки. Точно так же, как и этот. Сначала я подхожу с кормы, потом все ко мне. Понятно?

– Понятно, атаман!

– Ну, с Богом!

Оказавшись на своем струге, Самаренин сразу же обратился к Ивану, которому строго-настрого запретил принимать участие в абордаже и оставил его с тремя казаками сторожить суденышко. От случайной пули никто не застрахован. Тем более толмачу в абордажной схватке на палубе вражеского корабля делать нечего. Он позже потребуется.

– Ну, Ваня, не ожидал такого!!! Все истинная правда. До последнего сомневался, но как увидел, что турецкие пушкари в сторону картечью пальнули… А ты всегда так делать сможешь?

– Всегда, атаман! Когда надо, тогда и сделаю.

– Добре! Значит, за дело, казаки!

Струги перегруппировались и стали отслеживать очередную цель, а захваченная галера отошла в сторону. Турки пока что и не думали выходить из боя, всячески стараясь достать своих врагов артиллерией. Но поскольку казачьи струги на рожон не лезли, соблюдая дистанцию, ничего не получалось. Все это время Михайло Самаренин пытался подобраться к адмиральской галере, но она благоразумно держалась в глубине строя. Покружив какое-то время, атаман плюнул и решил атаковать другую, более удобную цель – на фланге. Струги резко изменили курс и бросились к новой жертве, что в какой-то мере застало турок врасплох. Они были уверены, что казаки обязательно постараются напасть на флагман, и выстроились соответственно. Неожиданный маневр спутал все карты, и галера на фланге оказалась фактически одна против половины казачьей флотилии. Остальные продолжали отвлекать турок угрозой абордажа и не давали никакой возможности оказать помощь в отражении атаки.

Атаманский струг снова отделился от основной группы и бросился к турецкому кораблю. Впереди очень быстро приближается высокая корма галеры. Казаки гребут изо всех сил, стараясь как можно скорее проскочить опасную зону, где их уже не достанут вражеские пушки. Но опытный взгляд атамана, также следившего за приближением к цели, уловил, что турецкие орудия снова смотрят не туда, куда надо. Галера отчаянно пытается оторваться, но уйти от быстроходного струга в безветренную погоду невозможно. Корма все ближе и ближе. Вода вспенивается под лопастями весел, на палубе суетятся турки, готовясь к отражению абордажа, но канониры застыли у орудий и ждут того мига, который может одним махом решить исход боя. Небольшому беспалубному стругу много не надо, один удачный выстрел, и о нем, как о противнике, можно забыть. Но надо еще попасть, поскольку времени на перезарядку не будет. Вот и приходится ждать, чтобы бить наверняка.

Иван внешне был спокоен и тоже наблюдал за быстро приближающимся противником. Но он уже сделал свое дело – турецкие канониры и стрелки видят не то, что есть на самом деле, а то, что им кажется. Сильный грохот проносится над морем, и корма галеры исчезает в облаке дыма. И снова град картечи вспенивает воду несколько в стороне от струга. Облако дыма на некоторое время полностью скрывает казаков, но ненадолго. А когда оно рассеивается, опешившие турки снова видят своего врага целым и невредимым! Затрещали мушкетные выстрелы, но… Турецкие мушкетеры видят то же, что и канониры. Выстрелы направлены в… воду! Уже хорошо видны искаженные недоумением и страхом лица турок. И тут гремит ответный залп казачьих фальконетов и ружей. Не более чем с сорока шагов. На таком расстоянии промахнуться по толпе, сгрудившейся возле фальшборта, трудно. Свинцовый град буквально смел всех, стоящих на корме, и вскоре абордажные крючья полетели на палубу галеры.

Казаки начали абордаж, быстро взбираясь на палубу. Вскоре подошли еще четыре струга, обеспечив подавляющий перевес в численности на стороне казаков. Помощь Ивана пока не требовалась, и он снова остался в струге, но на этот раз со всеми разведчиками во главе с Трегубовым. Атаман здраво рассудил, что нечего дергать судьбу за хвост. Первый раз удачно сошло. Но если, не приведи Господь, кто-то из этой пятерки казаков пострадает при абордаже, то это уменьшит группу разведки, так как подобрать быстро подходящего человека не получится. Поэтому пусть лучше струг вместе с толмачом охраняют да по сторонам смотрят. Казаки хоть сначала и поворчали, но в конце концов согласились, что требование атамана вполне разумно. Иван же решил и в этой ситуации оказать посильную помощь, не раскрывая своих возможностей. Любой турок, который показывался над фальшбортом, неожиданно становился каким-то заторможенным и не мог адекватно оценивать обстановку. В результате чего тут же падал на палубу под ударом казацкой сабли. В пылу боя никто этого не замечал. Неладное заподозрили лишь сидевшие в струге разведчики. Когда корма галеры уже была полностью очищена от турок и бой распространился по всей палубе, Трегубов с интересом посмотрел на Ивана.

– Ваня, а чего это турки какие-то квелые были, что даже не сопротивлялись? Как те, что возле костра сидели? Неужто снова твои проделки?

– Мои, Петро. Только Христом Богом прошу, казаки, молчите. Не нужно об этом никому знать. Если другие узнают, то и турки со временем узнают. А так мы сможем где угодно и когда угодно к туркам ходить, и хоть во дворец к самому турецкому султану в гости наведаться, если про нас никто знать не будет.

– Ишь ты!!! Ну, Ваня, удивил так удивил! Не бойся, никто про то не прознает. Мы ничего не скажем, а казаки, что турок порубили, вряд ли что заподозрят. В крайнем случае подумают, что те гашиша обкурились. А что? Бывает…

Между тем бой на палубе затих, но появилась новая опасность. Очевидно, до турецкого адмирала дошло, что если так пойдет и дальше, то его корабли будут захватывать один за другим. Турки прекратили свои бесплодные попытки «достать» верткие и быстроходные казачьи струги и сделали отчаянную попытку отбить захваченный трофей. Две галеры пошли на сближение, а остальные их прикрывали и старались отогнать казаков артиллерией. Корабли быстро сближались, но тут произошло непредвиденное. Адмиральская галера неожиданно сбавила ход, а вскоре и вовсе остановилась. По панике турок на палубе стало ясно, что там что-то произошло. Иван внимательно прислушивался к своим ощущениям и понял, что, скорее всего, гребцы взбунтовались. И тут же бросился на палубу галеры, искать атамана. Нашел его довольно быстро, чем очень удивил.

– Иван, а ты что здесь забыл?! Тебе где сказано было быть?

– Не гневайся, атаман, дело очень важное. На адмиральской галере гребцы взбунтовались, и если мы сейчас по ней ударим, то и православных спасем, и еще один корабль без особых хлопот захватим!

– Ну?! Тогда другое дело! А ну, православные, поможем нашим братьям?

Гребцов два раза просить не пришлось, и все дружно налегли на весла. Кое-где помогали грести казаки. Трофейная галера довольно быстро развила большую скорость – гребцы старались на совесть. Самаренин хотел снова убрать Ивана куда подальше, но он шепнул ему на ухо:

– Атаман, дозволь мне на носу галеры быть! Пока сближаться будем, ни одна турецкая пушка по нам оттуда не выстрелит!

– Ну, давай, кудесник! Чудны дела твои, Господи!

Иван быстро пробрался на самый нос, где стояли пять тяжелых пушек, возле которых уже вовсю хлопотали казаки. Впереди приближалась адмиральская галера, лежавшая в дрейфе. Даже отсюда было видно, что там идет настоящее побоище. Гребцы каким-то образом сумели освободиться и напали на турок. Вторая галера, шедшая вместе с адмиральской, не рискнула

оставить своего флагмана и бросилась ему на помощь, махнув рукой на захваченные казаками корабли. И этим тут же воспользовались три казачьих струга, отвлекавшие до этого противника. Они атаковали флагман с противоположного борта, резонно рассудив, что из пушек там сейчас стрелять особо некому и некогда. Расчет оправдался. Быстро оказавшись под бортом неподвижной адмиральской галеры, с которой не прозвучало ни одного пушечного выстрела, казаки взяли ее на абордаж, сломив сопротивление турок. И когда галера, спешившая на помощь своему адмиралу, все же сошлась вплотную с флагманом и ее экипаж бросился в бой, ему противостояли не одни лишь вооруженные чем попало замордованные гребцы-невольники, а многочисленные хорошо вооруженные казаки.

Связка из двух неподвижных кораблей все ближе и ближе. Атаман вел галеру таким образом, чтобы атаковать флагмана, поскольку его артиллерия уже работать не могла. Расстояние быстро сокращалось. Удар!!! Летят абордажные крючья, сцепляя два корабля. И в следующее мгновение на палубу турецкого флагмана, где вовсю кипит бой, врывается волна казаков, сметая все на своем пути. Очень скоро сопротивление турок на флагмане было полностью сломлено, и казаки принялись за вторую галеру. Но там никаких сложностей не возникло, поскольку ее экипаж был истреблен уже практически полностью. А те немногие, что сторожили гребцов, сами побросали оружие, видя полную безнадежность сопротивления. Оставшиеся турецкие корабли не рискнули продолжать бой и, развернувшись, быстро уходили в сторону Азова. Преследовать их не стали. Нужно было разобраться с уже захваченными трофеями и как можно скорее вернуться в Черкасск. Обременять себя такой добычей, продолжая поход, было неразумно.

Только теперь Иван перевел дух и осмотрелся. Картина была ужасной. Всюду кровь и трупы со страшными рублеными ранами. Но казаков это зрелище ничуть не смущало, и они начали сноровисто обыскивать корабли, попутно расковывая гребцов. Торопиться уже некуда. Пять уцелевших галер удирают в Азов под защиту его пушек, а больше здесь в ближайшее время никто не появится. Вот и можно поживиться тем, что Господь послал. К Ивану, осматривающему палубу турецкого флагмана, неожиданно подошел отец.

– Что, Ваня, невесел? Ты только погляди, кого взяли!

– Вижу, батя. Но пять из девяти удрали, и скоро в Азове все знать будут.

– Ну и что?

– Как ты не поймешь – ждали нас. Не просто так тут эти галеры появились.

– Хм-м… Думаешь, турецкие подсылы постарались?

– Не обязательно турецкие.

– Вот даже как? Ты что-то знаешь?

– Пока нет. Но не нравится мне это, батя.

– Ладно, что голову ломать. Пошли к атаману.

Михайло Самаренин был на корме и с сожалением глядел на турецкого адмирала. Турок с искаженным болью лицом лежал на палубе и тяжело дышал, с ненавистью глядя на своих врагов, а из-под его ладони, прижатой к животу, стекала кровь. Иван, едва глянув на пленника, сразу понял – не жилец. Того же мнения был и атаман.

– Вот же, не приведи Господи, угораздило… Под самый конец умудрился случайную пулю поймать, да еще так неудачно. Ни узнаешь теперь от него ничего, ни выкупа с турок не стребуешь…

– Атаман, позволь мне?

Все удивленно оглянулись. Иван же, протиснувшись вперед, встал перед Самарениным.

– Чего тебе позволить, Ваня?

– Позволь я его посмотрю? Чем черт не шутит, может, и поживет еще.

– Ну, дела! Так ты еще и лекарь, Иван?

– Настоящим лекарем себя назвать не могу, но кое-что умею.

– Ладно, попробуй, хуже все равно не будет. Он скоро и так помрет. А кату его отдавать, так сразу окочурится.

Иван опустился на колени перед раненым и провел руками над его животом. Все ясно – надежды нет. Но избавить его от мучений можно, а заодно узнать все, что надо. Вспомнив, чему учил его Матвей, начал передавать свою жизненную силу, одновременно уводя боль, иначе смерть наступила бы очень быстро. Однако перед этим разжал раненому зубы и влил в рот немного травяной настойки из фляги. Вскоре турок с удивлением посмотрел на своего врага. Иван тут же глянул ему в глаза и задал вопрос на турецком:

– Как вы себя чувствуете, бей-эфенди? Боль прошла?

– Да, прошла… О Аллах!!! Кто ты, незнакомец? Ты осман? Что ты делаешь среди гяуров?

Иван отрицательно покачал головой. Неудивительно, что из-за внешности и чистого турецкого произношения его приняли за турка.

– Нет, бей-эфенди, я казак. Но моя матушка – чистокровная османка. Долго рассказывать, как она здесь оказалась. Не уверяю, что смогу вас вылечить. Слишком опасна рана, и на все воля Аллаха, но от боли я вас избавлю. Лежите спокойно.

Иван ввел раненого в транс, из-за чего лицо турецкого адмирала расслабилось и стало безмятежным, а взгляд был устремлен в небо. Убедившись, что турок в его полной власти, продолжил:

– Атаман, он не жилец. Но я унял его боль, дав возможность умереть без мучений, и сейчас он будет говорить. Спрашивай его, только быстро.

Шум удивления пробежал по рядам казаков, наблюдавших за действиями Ивана. Атаман тоже удивился:

– А ты уверен, что он врать не будет? С него станется!

– А разве у нас есть выбор? Спрашивай, атаман. Его жизнь медленно уходит.

Спорить было глупо, поэтому Самаренин сразу перешел на турецкий.

– Как вы здесь оказались, уважаемый бей-эфенди?

– Мы ждали вашего выхода…

– Кто отдал вам приказ об этом?

– Комендант Азова, досточтимый Энвер-паша…

– Откуда он получил сведения о нашем выходе?

– Не знаю…

– Что вы должны были сделать, обнаружив нас?

– Дать вам возможность уйти подальше от донских гирл и лишь потом напасть, чтобы вы не смогли уйти обратно…

– Засада возле Казачьего Ерика выставлена на нас? И где еще?

– Да, на вас. Засады есть во всех крупных протоках…

– Как они должны были вас известить о нашем появлении?

– Пропустить вас, не поднимая шума, и лишь потом запалить большие костры…

– От кого вы получаете сведения о том, что творится у нас?

– Не знаю…

Атаман задал еще много вопросов, но на большую часть из них получил ответ «не знаю». Впрочем, это было неудивительно, никто бы не стал посвящать исполнителя, пусть и далеко не простого, в тайные дела местного паши. Когда пленного турка уже выжали досуха, и ничего нового он сказать не мог, атаман махнул рукой.

– Он больше ничего не знает. Что теперь?

– Он уже отходит, атаман… Все…

– Что же… Так даже лучше… А ну-ка, пойдем, Ваня. Поговорить надобно…

Пройдя по куршее (продольный помост над банками гребцов) на самый нос галеры, атаман спровадил оттуда всех казаков, чтобы поговорить без лишних ушей, и когда они остались вдвоем, спросил без обиняков:

– Иван, я ведь понял, что ты его волю подавил и своей волей боль унял. И он после этого как болванчик отвечал, не смея соврать. Я прав?

– Прав, атаман. Не буду отпираться.

– Значит, ты и это можешь? И можешь так заставить любого заговорить?

– Насчет любого – утверждать не буду, пока не увижу человека. Сила воли у всех разная. Но если человек ранен, или кат над ним хорошо потрудился, то любого. В этом случае его силы на другое уходят, и я его волю легко могу подмять.

– А зелье тогда зачем давал? Что, кстати, за зелье?

– Обычный травяной настой для заживления ран. Но и пить его можно, вреда не будет. А дал для того, чтобы все подумали, будто бы от зелья у него боль прошла, и он сам по себе говорить начал. Не нужно, чтобы многие о моем даре знали. Все вроде поверили. А вот тебя не смог провести, атаман. Ты уж извини.

– Ох, непростой ты человек, Ваня… Ладно, и вправду помалкивай об этом, так лучше будет. Для всех казаков, что рядом были, турок сам заговорил в благодарность за то, что ты его от мучений этим зельем избавил. Никто вроде бы ничего не заподозрил. Но слухи обязательно пойдут, тут уж никуда не денешься. И жди, что теперь к тебе, как к лекарю, народ обязательно потянется.

– Да какой же из меня лекарь?!

– Так ведь всем этого не объяснишь. Упирай на то, что это зелье такое хитрое, но сам ты его делать не можешь. Где взял? А где взял – там уже нет. В общем, придумаешь что-нибудь, чтобы отстали. И уж не взыщи, Ваня, но придется тебе теперь нашему кату Федьке помогать, коли надобность возникнет. Грех такой дар в этом деле не использовать. Тем более ты толмач, и никто ничего такого не подумает. А Федька язык за зубами держать умеет, от него ничего на сторону не уйдет. Согласен?

– Согласен.

– Ну и ладушки. А сейчас надо разобраться, что Господь послал…

Господь послал не так, чтобы много, но не так уж и мало. Больших денег и ценностей на борту трофеев не нашлось. На адмиральской галере «улов» был гораздо больше за счет адмиральской казны, но назвать такую добычу по-настоящему богатой было нельзя. Единственно реальную ценность представляли пушки, многочисленное оружие и огневой припас, что сразу же стали перегружать на казачьи струги. Вести сами галеры в Дон было невозможно. Мимо Азова не пройти – утопят из крепостных пушек, а через мелководные протоки не позволит пройти осадка кораблей. Мертвый Донец тоже охраняется небольшой турецкой крепостью Лютик, да еще и цепь через него натянута, поэтому соваться туда не стоит. После перегрузки в струги всего, что имеет хоть какую-то ценность, галеры просто подожгут. И надо как можно скорее возвращаться в Черкасск. Поход все равно сорван из-за сбежавших стрельцов, а идти на Кафу или Темрюк оставшимися силами нет смысла.

Все это объяснил Ивану отец, и теперь он тоже принимал деятельное участие в погрузке добычи на атаманский струг. Гребцов уже всех расковали, и они помогали казакам, еще не до конца осознавая, что получили долгожданную свободу, хоть и досталась она дорогой ценой. Многие из них, особенно на адмиральской галере, где начался бунт, погибли под турецкими саблями. Поэтому казакам стоило большого труда уберечь уцелевших пленников от расправы. Впрочем, в большинстве своем это были обычные матросы, которые вовремя бросили оружие

и сдались. Но были фигуры и покрупнее. Удалось взять в плен двух капитанов галер и пять офицеров, за которых предполагали получить хороший выкуп.

В разговоре у всех казаков проскакивали нотки недовольства. Не ради такой добычи они выходили в поход. Надо готовиться к следующему, да поскорее, пока осень не наступила. Но теперь – никаких стрельцов. Иметь за своей спиной таких «союзников» себе дороже. Когда перегрузка добычи была закончена, казачьи струги направилась обратно к донским гирлам, оставив за собой четыре больших костра на воде. Очередной бой казачьего флота со старым врагом закончился блестящей победой. Турецкому паше в Азове теперь будет над чем подумать. Тем более команды удравших галер наверняка сгустят краски и начнут рассказывать разные небылицы, чтобы оправдать свое бегство. И можно будет надеяться на то, что в ближайшее время турки притихнут, отказавшись от наступательных действий, что казаков вполне устраивает. Пусть воины ислама сидят за стенами Азова и нос оттуда не высовывают. Если сторожевой пес сидит на цепи, то он и не укусит, если к нему не подходить. А подходить к Азову для того, чтобы выйти из Дона в море, совершенно необязательно.

Глава 3
Дела государевы

Впрочем, обратный путь без приключений не обошелся. Когда казачьи струги подошли к донским гирлам и стали пробираться обратно тем же путем, что и выходили, все было тихо. Турецкие засады, несомненно, видели и слышали все, что творилось на взморье, но предпочли себя не обнаруживать. А может, вообще заранее удрали от греха подальше, едва увидев, что турецкая эскадра частично уничтожена, частично обратилась в бегство, а казаки возвращаются. Оказаться на пути у этой разъяренной банды, еще не отошедшей от недавнего боя, ни у кого из турок желания не было. Во всяком случае, Иван, снова сидевший на носу атаманского струга, присутствия людей на берегах ближайших островков не чувствовал. И пока все вокруг было спокойно, думал о своем, перебирая в памяти подробности последних событий. Плохо то, что пришлось раскрыть свои способности в подавлении чужой воли. Но выбора не было – турок умирал, и озвучить потом добытые сведения не было бы никакой возможности, поскольку это сразу бы породило массу ненужных вопросов. Ведь о том, что он смог проникнуть в душу турецкого адмирала еще до начала разговора и узнать там абсолютно *всё*, причем гораздо больше, чем тот рассказал, об этом даже атаман не догадался. Поэтому и пришлось разыграть целое представление с «обезболиванием» с помощью зелья и последующим разговором с атаманом. Ничего, главное – дело сделано, и основное атаман знает. Не знает лишь того, о чем не спрашивал. Но это можно будет и потом ему подбросить, как сведения, полученные от других турок. Которые, вот незадача, уже отправились на встречу с Аллахом. Дела намечаются очень интересные, но это надо сначала с войсковым атаманом поговорить. А еще раньше с Матвеем Колюжным. Единственным человеком, которому можно говорить все, и который плохого не посоветует.

Вот пройден самый узкий участок – Казачий Ерик, и струги наконец-то выходят на просторы Дона. Турок по-прежнему нигде нет. Однако вдалеке на правом берегу обнаружили струги сбежавших недавно стрельцов, что сразу же вызвало неоднозначную реакцию у казаков. От смеха и едких подначек до злобных высказываний в адрес горе-союзников. Михайло Самаренин выругался и окликнул Ивана:

– Ваня, я сейчас с этим «храбрецом», который целый полковник, по душам побеседую. Будь рядом и запоминай все как следует. Потом на бумаге напишешь. А вы, казаки, не бузите. Послушаем сначала, что нам этот соловей московский споет…

Когда отряд казаков пристал к берегу, на головы беглецов обрушился град насмешек. Стрельцы огрызались, но границы дозволенного не переходили. В конце концов, они выполняли приказ своего начальства, и казаки это сами понимали. А вот начальство восседало на берегу и было явно сбито с толку, не ожидая такого результата. Тем не менее, когда атаман Самаренин в сопровождении есаулов и Ивана в качестве «летописца» подошел и задал вопрос о причинах такого поспешного бегства, начальство еще и попыталось поставить на место «зарвавшегося холопа».

– Ты почему мой приказ не выполнил, атаман?

– Какой приказ?

– Почему не отступил вместе со всеми? Почему людей своих опасности подверг перед превосходящими силами неприятеля?

– Я такого приказа не получал, полковник. У меня другой приказ был – турок и татар бить. У тебя, кстати, тоже. А вот почему ты меня в бою бросил и удрал, это еще разобраться надобно. Либо это обычная трусость с твоей стороны, либо злой умысел, чтобы всех казаков в

бою с превосходящими силами неприятеля, как ты говоришь, положить. Ну да ничего, придем в Черкасск – воевода разберется!

А вот этого, очевидно, полковник категорически не хотел. Донской воевода Иван Савостьянович Хитрово, или, как его еще называли, Иван Большой, отличался крутым нравом и мог доставить даже такому человеку, как Косагов, массу неприятностей. Приложив в предыдущие годы все силы к подавлению бунта Стеньки Разина и весьма преуспев в этом деле, он досконально изучил все местные реалии, поэтому провести его было крайне трудно. А уж «доброжелатели» найдутся с обеих сторон, в этом сомневаться не приходилось. Замять такой случай, которому была масса свидетелей, тоже не получится. Поэтому Самаренин пожелал стрельцам успехов в их ратных делах и предложил либо выходить в море самостоятельно, либо идти брать Азов. А казаки возвращаются в Черкасск, поскольку с такой добычей и большим количеством людей, освобожденных из турецкого плена, идти дальше в море неразумно. Высказав в издевательски вежливой форме все, что думает о таких «союзниках», атаман со своей свитой развернулся и пошел обратно к стругу, оставив за спиной исходящего праведным гневом полковника. Но дальше ругани дело не пошло. И стрельцы, и сам Косагов прекрасно понимали, что в случае столкновения стрельцам несдобровать. Мало того что они уступали казакам в численности, так на стороне казаков выступят еще и освобожденные пленники, которые подобного отношения не поймут и церемониться не станут.

Дальнейший путь вверх по Дону прошел без происшествий, если не считать появлявшиеся несколько раз конные разъезды татар. Но они ограничивались наблюдением с безопасной дистанции, и все обошлось без стрельбы. Стрельцы тоже не стали геройствовать, и ни в море, ни под Азов не пошли. Не дожидаясь, пока казаки уйдут, погрузились в струги и направились следом за ними. Так и подошли к Черкасску, вызвав большое удивление у его жителей. Никто такого быстрого возвращения не ожидал. Тем не менее прибывших встречали всем городком, новость распространилась со скоростью ветра. И когда струги причалили к берегу, казаки сразу же попали в объятия своих жен и детей.

Не были исключением и Иван со своим отцом. Елизавета со слезами на глазах обняла и расцеловала сына и мужа, а вокруг прыгали от радости младшие из семьи Платовых – Мишка, Васька и Аннушка. Причем братья сразу насели на Ивана.

– Ванька, а ты сколько турок убил?

– Ни одного. Я ведь толмач, в бою с турками на палубе не участвовал.

– Тю-ю-ю… А сабля тогда тебе на что?

Подобные расспросы продолжались, пока не дошли до дома. Переговорив с родителями и заверив, что у него очень важное дело, Иван собрался сходить к наставнику, но Матвей Колюжный сам пришел и поздравил молодого казака с первым походом. Пусть таким коротким и не совсем удачным, но все же. Когда первая волна радости схлынула, Иван дал знак. Дескать, поговорить надобно. Матвей все понял без слов и попросил отца отпустить с ним хлопца ненадолго. Когда они остались вдвоем, Иван подробно описал все, что случилось во время выхода, не став делать тайны из происшествия с турецким адмиралом. Матвей слушал внимательно и одобрил его действия:

– Молодец, Ваня, умело выкрутился. И сведения важные из турка вытащил, и обставил все так, что комар носу не подточит. Но по тебе вижу, что это не всё.

– Не всё, дядько Матвей. Когда мы обратно в Дон вошли, и атаман с этим полковником разговаривал, я ему осторожно в душу заглянул. А там… В общем, продали нас. Сам воевода Иван Большой продал. Велел полковнику, чтобы в случае встречи с турками он уходил, будто бы струсил. А мы, дескать, не сможем от такого отказаться, чтобы турок не пограбить. И чем больше при этом турки казаков изведут, тем лучше.

– Вот оно что… Выходит, все это было специально подстроено? А сведения о выходе тоже воевода туркам продал?

– Того не знаю. Он полковнику об этом ничего не сказал. Просто велел при первой возможности праздновать труса и удирать. Сам полковник поначалу против был и даже возмущаться начал, но воевода его быстро в бараний рог скрутил. Припугнул, что если не сделает, как он велит, то в Москве с ним совсем по-другому говорить будут.

– Ай да воевода, сучий потрох… Казаков он решил извести, пес шелудивый. Ох, не обманула меня чутье…

– Так что делать-то, дядько Матвей? Ведь сведения очень важные, а как их до войскового атамана донести, я не знаю. Сразу спросят – откуда прознал? А воевода от всего отопрется.

– Отопрется, а тебя же в ложном навете обвинит. Полковник молчать будет, ему с воеводой ссориться не с руки. Другие же стрельцы, я так думаю, про эти воеводские замыслы вообще ничего не ведают. И раскрываться тебе тоже нельзя. Да уж, здесь подумать надобно…

– Но ведь воевода может еще какую пакость замыслить, когда узнает, что мы сейчас хорошо турок потрепали!

– Не может, а обязательно замыслит… Значит так, Ваня. Сейчас идешь домой и никому ни слова! Даже батьке. Веди себя так, как обычно казак ведет, когда из похода возвращается. А я тут пока сам кое-что сделаю. Нужен будешь – позову…

Матвей направился по своим делам, а Иван вернулся домой, где на него сразу же насели младшие, требуя рассказать, как они «ходили на турка». Иван не ударил в грязь лицом и начал с самым серьезным видом рассказывать такое, что перед этим померкли бы все сказки о богатырях и противостоящих им злодеях. Детвора слушала раскрыв рот, а отец с матерью с трудом сдерживались от смеха. Весь день в доме Платовых было веселье – казаки из похода вернулись. Причем живые, здоровые и с добычей. А что еще надо для казацкого счастья?

На следующее утро Иван поднялся рано, думая зайти к наставнику, но его опередили. Молодой казачонок, едва ли старше самого Ивана, перехватил его сразу же по выходу из дома.

– Ванька, давай срочно к войсковому атаману!

– А что случилось?

– А я почем знаю?! Сказывали – быстро!

Поняв, что атаман по пустякам звать не будет, Иван поспешил и вскоре был возле атаманского дома. По тому, что его – простого новика, немедля пропустили, даже не докладывая, стало ясно, что дело важное. Войдя в горницу, в которой был не так давно, Иван увидел самого атамана Корнилия Яковлева и Матвея, сидевших за столом и рассматривающих какие-то бумаги. Иван поклонился и поздоровался, думая, с чего бы это он понадобился атаману. Корнилий Яковлев не стал тянуть.

– И тебе здравствовать, Ваня. Как дома встретили, все хорошо?

– Благодарствую, атаман, все хорошо.

– Ну и ладно. Наслышан о твоих успехах, молодец! Но вызвал я тебя не за этим. Дошли до меня нехорошие слухи, что будто бы воевода наш двойную игру ведет, туркам важные сведения тайком отправляет. Но, сам понимаешь, воевода от всего отопрется, ежели его в лоб спросить, поскольку кроме слухов у меня ничего против него нет. Вот и решили мы с Матвеем его на чистую воду вывести, но здесь твоя помощь понадобится. Ты как, согласен? Не побоишься против воеводы пойти?

– Согласен, атаман! А что делать надобно?

– Пойдешь вместе с теми же казаками, с которыми в разведку ходил. Будете в засаде ждать, пока гонец воеводский не появится. Вот его и перехватите, но так, чтобы этого никто не видел. А потом в укромном месте поспрошаешь его так же, как турецкого адмирала спрашивал. Сумеешь?

– Сумею!

– Но это не всё. Потом надо будет к туркам в условное место отправиться, и то, что гонец с собой вез, туркам передать. Но так, чтобы они ничего не заподозрили. С этим справишься?

– Справлюсь, атаман. Но только позволь совет дать. Лучше по-другому сделать.

– Это как?

– Взять гонца не до того, как он к туркам направляется, а уже после встречи с ними. Ведь нам что важно? Чтобы турки поверили тому, что доставит гонец. И лучше, если он сделает это сам, поскольку его там многие знать могут. А возьмем мы его до встречи, или после – для нас разницы никакой нет. Заодно узнаем, что ему турки велели воеводе передать.

– Ишь ты! А ведь и взаправду так гораздо лучше… Ну, Иван, далеко пойдешь! Хорошо, так и сделаем!

– Понял, атаман. Только спросить хочу. А с гонцом потом что делать?

– Вот же любопытный… А что с предателями делают? Тем более он ведь поймет, что ты его своей волей говорить заставил, а это лишним людям знать не надобно. После того, как закончите, избавитесь по-тихому, но так, чтобы быстро не нашли. Воевода, конечно, насторожится. Но мало ли что с человеком в донской степи ночью могло статься? Глядишь, еще кого пошлет.

– А сейчас он кого-нибудь пошлет?

– Пошлет, не сомневайся. И есть у меня подозрение, что сегодня же ночью. Остальное тебе Петро расскажет. Ты, Ваня, вперед не лезь, казаки сами гонца повяжут. А вот потом твоя работа начнется. Не оплошаешь? Может быть, все же Федьку-ката тебе в помощь дать?

– Не оплошаю, атаман. Все, что гонец знает, из него вытяну. Загвоздка в другом – а будет ли то, что ему турки скажут, правдой? Ведь они и обмануть могут.

– Ты, главное, вытащи из него все. А мы уж тут сами разберемся, что правда, а что нет…

Над головой раскинулось звездное небо, а вокруг тишина донской степи, не нарушаемая ни грохотом выстрелов, ни звоном сабель, ни конским ржанием. Впрочем, полностью тихо в степи ночью никогда не бывает. Шумит трава под порывом ветра, иногда доносится волчий вой или осторожные шаги кабанов. Донская степь живет своей жизнью, независимо от того, что творится вокруг. Так было сотни лет до этого, и сколько еще будет, никто не знает. Аромат весенних трав разливается в воздухе, создавая то неповторимое очарование донской степи, которое невозможно передать словами. Но очарование это очень обманчиво. Опасность здесь может подстерегать на каждом шагу. Причем из всех хищников четвероногие – далеко не самые опасные.

Иван старательно вглядывался в ночную тьму, но пока ничего подозрительного не обнаружил. Маленький отряд из семи человек под командованием Петра Трегубова притаился неподалеку от небольшой балки, где спрятали лошадей, и ждал. Кого именно ждал – непонятно. Единственное, что смог им сообщить атаман, это то, что гонец должен пройти здесь сегодня ночью. Но кто именно это будет, и будет ли он один, или несколько человек, узнать не удалось. Однако поставленная задача не казалась казакам уж слишком сложной. Вряд ли тех, кого они ждут, будет более двух-трех. Плюс внезапность нападения, да еще Иван в качестве секретного оружия. Само место для засады тоже не внушает подозрений – ровная степь, где и спрятаться толком негде. Но это днем, а ночью различить лежащего в невысокой траве человека невозможно. Вот и поглядывали казаки в сторону Черкасска, полностью слившись с ночной теменью, иногда переговариваясь шепотом.

– А он точно тут пройдет?

– Сказывали, что именно здесь.

– Ох, закурить охота…

– Я тебе дам закурить!!! Сидеть тихо, как мыши под метлой!

– Да я чего, разве не понимаю?

– Вот и замри, если понимаешь…

Было уже за полночь, когда донеслись подозрительные звуки. Всадник все же издает много шума при движении, если торопится, на это и был расчет. Посылать пешего гонца бессмысленно, он не успеет вернуться к утру. Да и от возможной погони верхом уходить все же гораздо лучше. Казаки приготовились, и вскоре в лунном свете удалось разглядеть смутный силуэт всадника, пустившего лошадь рысью. Очевидно, эту дорогу он хорошо знал и не опасался угодить с разгона в какую-нибудь яму. В темноте не удалось разобрать, кто именно появился, но человек был явно из казаков и двигался с осторожностью. Впрочем, по-другому в одиночку в степи себя вести и нельзя. Опасность может подстерегать на каждом шагу. Всадника беспрепятственно пропустили и стали ждать. Нельзя спугнуть добычу раньше времени.

Ждать пришлось довольно долго, но наконец снова послышался топот копыт. Гонец явно торопился, чтобы успеть вернуться к утру. Иван приготовился, и когда всадник поравнялся с сидевшими в засаде казаками, навел на него морок, внушив, что на пути у него лежит большой камень. Тот с испугу придержал коня, подняв его на дыбы, и тут же два аркана захлестнулись на двух шеях. Один – на шее коня, другой – на шее того, кто на нем сидел. Действовать решили наверняка, чтобы не допустить даже малейшей возможности бегства, и Дмитро с Семеном не подвели. Когда добыча оказалась на земле и еще не могла говорить, лишь дико вращая глазами, Иван решил воспользоваться ситуацией и подыграть, раз уж все так удачно получилось. Властным голосом, не терпящим возражений, сказал на турецком:

– Не задавите этого гяура, он мне нужен живой!

Турецкая речь произвела впечатление на пойманного, и он тут же затараторил.

– Да вы что? Я же ничего больше не знаю!!!

– Я не верю тебе, урус.

Иван очень умело изобразил речь турка, который знает русский язык, но говорит на нем с сильным акцентом. Тут до попавшего в ловушку дошло, что перед ним казаки, а не турки, и он попытался выкрутиться:

– Православные, да вы что?!

– Мы-то православные, а вот кто ты, мил человек, пока неясно. Куда же это ты среди ночи путь держишь?

– Так домой в Черкасск, не успел засветло!

– А что кричал, что ничего больше не знаешь?

– Так испугался просто!!! Подумал, что турки схватили! Вот и сказал, чтобы сразу не убили!

– Ну-ну… Давай-ка по душам потолкуем, пугливый ты наш. Чего это ты там *ничего больше* не знаешь?

Добычу связали и, заткнув рот кляпом, уволокли в находящуюся рядом балку. Шуметь было нельзя, поэтому казаки с сомнением поглядывали на Ивана.

– Ваня, он ведь орать начнет, а турки могут неподалеку быть и услышат.

– Не услышат. Кляп поначалу оставим, а потом и сам орать не захочет. А ну-ка, казаки, дайте ему десяток нагаек!

Два раза просить не пришлось, и пойманный гонец тут же взвыл, но кляп надежно предохранял от излишнего шума. Когда порка прекратилась, Иван склонился над лицом с ужасом глядевшего на него человека и вырвал у него кляп изо рта.

– В глаза мне смотреть!!! Как твое имя?

– Тимофей Милютин…

– Куда направлялся из Черкасска?

– В Кривую балку…

– Зачем?
– Иван Большой послал…
– Зачем?
– Туркам весть передать…
– Какую?
– Казаки собираются идти на Азов…

Дальнейший разговор оказался весьма интересным, но гонец воеводы не знал всех тайн своего хозяина. Тимофей прибыл на Дон вместе с воеводой под видом крестьянина, сбежавшего сюда в поисках лучшей доли, и ни у кого не вызывал подозрений. Но он был всего лишь гонец, которому лишнего знать не положено. На словах передавал туркам нужные сведения, чтобы не доверять их бумаге. И до сих пор никаких накладок не случалось. Цель воеводы была очень проста – как можно больше ослабить казаков в борьбе с турками и татарами, чтобы потом легче было московскому царю подмять под себя казацкую вольницу. И определенных успехов в этих тайных государевых делах Иван Савостьянович Хитрово уже добился. Недавняя встреча с турецкой эскадрой – тоже его рук дело. Правда, результат оказался противоположный ожидаемому. Казаки не только не понесли больших потерь, но еще и захватили четыре турецких корабля из девяти, сняв с них все ценное и освободив гребцов-невольников. И теперь они хотят развить свой успех. Неожиданным и быстрым ударом снова взять Азов, пока туда не подошло подкрепление. Услышав это, казаки с удивлением переглянулись. Какой еще Азов?! Но Иван продолжал допрос, выспрашивая самые мелкие подробности. Когда закончили, и из гонца уже больше ничего выжать было нельзя, Иван и Петр переглянулись.

– Вот это улов, Петро! Таким вестям цены нет!

– Цены-то нет, да только что толку с тех вестей? В чем мы воеводу обвинить можем? Слова этого холопа, при котором ни письма, ни чего-либо другого из доказательств нет? А одни лишь слова? Так воевода скажет, что это ложь.

– Нет, Петро. Думаю, что атаман его ни в чем прилюдно обвинять не будет. А выждет время и в один прекрасный день просто поговорит по душам с воеводой. Причем так, что либо он будет на казаков работать, либо беда с ним приключится. К примеру, грибочков нехороших поест. Или турки на него осерчают за то, что он их обманывать вздумал, и подсылов своих подошлют его убить. Да мало ли что случиться может.

– Это ты о чем?!

– Петро, ты так и не понял? Гонец послан с вестью, что мы собираемся вскоре брать Азов. Это главное. Все остальное, что он поведал, туркам либо не интересно, либо они это и так уже давно знают. Но ни ты, ни я, ни кто-либо из нас в этот поход на Азов не поверит, поскольку мы-то знаем, для чего здесь больше чем полночи просидели. Значит что? Вести о скором походе на Азов неверные, и воеводе их умело подсунули, чтобы он в них поверил и туркам сообщил. Как подсунули, кто подсунул и что сделали, чтобы поверил, – того не ведаю. А вот для чего – догадываюсь. Чтобы турки все силы на укрепление Азова бросили и в другие места пока не совались. Похоже?

– Гм-м, а ведь похоже… И что теперь?

– А теперь прячем этого Иуду получше, чтобы его никто не нашел. Коня поближе к Черкасску отведем и отпустим. Конь сам домой вернется, а воевода пусть голову поломает, куда его гонец подевался. Если бы он на татар случайно напоролся, то они бы коня себе забрали. Если бы решил у турок остаться, то вместе с конем. Если бы на него волки напали, то и коню не уйти. А если бы и ушел, то со следами волчьих зубов. А так – конь целый и невредимый вернулся, а седока нет. Есть над чем голову поломать. Или поймет, что попался его гонец, и казаки теперь все знают, а не говорят потому, что что-то против него замышляют. Как знать, может, начнет суетиться и ошибки делать.

– Ну, Иван, голова! А ведь и взаправду так получиться может! Ладно, казаки, за дело. Нам еще до рассвета вернуться надобно…

Возвращение в Черкасск прошло незамеченным. Казаки разошлись по домам, а Трегубов предупредил Ивана, чтобы к атаману пока что не лез, он сам все доложит. Как понадобится – позовут. Не надо сейчас внимание к себе привлекать. Иван был совершенно не против и с чувством выполненного долга отправился на боковую. Начальство есть – пусть оно и решает. А он свое дело сделал, причем сделал хорошо. И даже умелый кат не понадобился.

Неделя прошла в относительном спокойствии. Добычу, взятую в недавнем походе, уже поделили, Иван помогал матери по хозяйству, а отец с самого утра уходил по делам. Степан Платов прекрасно понимал, что его старший сын уже окончательно и бесповоротно оказался причастен к тайным делам войскового атамана, но с расспросами не лез и на остальных домочадцев цыкнул, когда те стали проявлять ненужное любопытство, почему это Иван дома не ночевал, а лишь под утро пришел? А то, что в данный момент сына не трогают и никуда не зовут, значит, на то есть свои причины.

Исчезновение гонца никаких заметных действий со стороны воеводы и его приближенных не вызвало. Во всяком случае, внешне. Знакомые, конечно, забили тревогу, когда конь без седока домой вернулся, даже искать отправились, но ничего не нашли. Полковник Косагов ходил злой и старался ни с кем не разговаривать, поскольку его уже достали ехидными подначками. Если сами казаки еще держали себя в руках и не переходили границы дозволенного, то вот их жены никакого удержу не знали. И очень скоро полковник превратился их стараниями в посмешище, вслед которому улюлюкали мальчишки, а бабы и девки не упускали случая поупражняться в острословии. И самое обидное, что его вины в случившемся как раз и не было. Но попробуй только заикнись об этом…

Вечерами Иван тоже времени даром не терял. Среди освобожденных из турецкого плена гребцов оказались несколько человек франков и генуэзцев, вот он и практиковался с ними в разговорной речи, заодно исподволь заглядывая в душу, но быстро убедился, что это не подсылы. Просто людям не повезло. А может, наоборот повезло, что чудом обрели свободу.

Однако нельзя было сказать, что в Черкасске абсолютно ничего не происходило. Казаки готовились к новому походу, и все говорило о том, что он состоится в самое ближайшее время. Иван терялся в догадках, что же задумал войсковой атаман, но излишнего любопытства не проявлял. Так лишь, в пределах разумного, на уровне базарных слухов. А поскольку не сразу, но все же произошла «случайная» утечка, благодаря которой опытному человеку можно было сделать вывод, что планируется поход на Азов, это еще больше убедило Ивана, что намечается что-то другое. Ну и ладно. В конце концов, придет время – сами скажут. То, что без него не обойдутся, и так ясно. Теперь ни за что не откажется Корнилий Яковлев от возможности пустить в ход козырь, который может сыграть решающую роль в успехе рискованного, но сулящего большую прибыль дела. И ожидания не обманули. Когда он в очередной раз зашел в гости к Матвею, наставник его предупредил:

– Ваня, если все сложится, завтра поутру приходи к атаману. Разговор есть.

– На турка пойдем? И что если сложится?

– На турка, на турка… Ты ведь, Ваня, умный. И хорошо понимаешь, что отныне сам себе не принадлежишь. Ты – характерник. Тайное оружие казаков. А потому к тебе и отношение особое, и спрос особый будет. И от того, насколько хорошо ты свое дело сделаешь, многие сотни казацких жизней сохранишь.

– Дядько Матвей, ну что ты меня, как не целованную девку уговариваешь, а к главному не приступаешь? Разве я не понимаю? Может, давай о деле?

– Ну что же. О деле так о деле. Дело предстоит трудное и опасное, Ваня. Именно поэтому Корнилий меня попросил с тобой заранее поговорить. Согласишься ли ты на такое пойти, и если согласишься, тогда от этого и плясать будем. Если нет – значит, нет. Придется что-то другое придумывать.

– Дядько Матвей, не томи. Что от меня требуется?

– А требуется от тебя проникнуть в турецкую крепость под видом турка, ночью убрать стражу у ворот и открыть их, чтобы казаки смогли войти. Причем желательно без шума.

– Ого!!! Это уже интересно! Но в какую крепость мне надо будет проникнуть? Не верю я в поход на Азов, дядько Матвей.

– И правильно делаешь, что не веришь. То, что на базаре об этом языками треплют, пусть треплют и дальше. Про турецкую крепость Лютик, что на Мертвом Донце стоит, слыхал?

– Конечно, слыхал!

– Вот и настало время там порядок навести. Ежели мы Лютик возьмем, то можно будет по Мертвому Донцу в море выходить, чтобы каждый раз по мелякам в гирлах не лазить, да и от Азова далеко, турки не дотянутся. Когда обратно из похода возвращаться, как место для отдыха и пополнения припасов, тоже пригодится. Да и сам по себе он будет для турок как заноза в заднице. Но сейчас Лютик как замок на двери. Причем замок очень крепкий, просто так не сорвешь.

– А зачем срывать, дядько Матвей, если ключом открыть можно?

– Значит, согласен?

– Согласен!

На следующее утро Иван и Матвей были у войскового атамана. Для всех их визит был связан исключительно с «бумажными» делами предстоящего похода. Но за закрытыми дверями шел совсем другой разговор. Встав возле стола, на котором были разложены турецкие карты низовьев Дона и Азовского моря, Корнилий Яковлев объяснил в общих чертах сложившуюся обстановку, что конкретно требуется от лазутчиков.

– Наша задумка удалась, казаки. Турки поверили в то, что мы собираемся выступать на Азов и брать его штурмом. Чтобы они окончательно в этом убедились, один отряд казаков вместе со стрельцами действительно выступит к Азову, но близко приближаться не будет. Остановится так, чтобы из пушек его не достать было, и начнет туркам глаза мозолить. Вроде как подкрепления ждет. А заодно и не позволит никому выше по Дону пройти. Там наш старый друг – полковник Косагов командовать будет, воеводой назначенный. Все честь по чести. Да только, если ему дурь в голову взбредет, и решит на самом деле Азов штурмом брать, то пусть сам со своими стрельцами и берет. Теперича казаки будут «труса праздновать». Но до этого вряд ли дойдет, Косагов все же не дурак. Второй отряд пройдет ночью Казачьим Ериком на выход в море. Для всех он должен перекрыть туркам выход в море из Дона, чтобы не сбежал никто. Но на самом деле к Дону пойдет лишь небольшая его часть, а остальные сразу же уйдут к Мертвому Донцу, чтобы к Лютику со стороны моря подобраться, откуда нас не ждут. Ни полковник, ни стрельцы, ни казаки, ни даже есаулы про то знать перед отходом не будут. Знать будут только атаман и лазутчики. Тебе, Ваня, как-то надо попасть в крепость, убрать стражу у ворот и открыть их. Казаки подойдут ночью на стругах и будут готовы идти на штурм по твоему сигналу. На тебя и остальных лазутчиков вся надежда. Без этого ничего не получится. Один раз уже пытались Лютик взять – кровью умылись, а не смогли. Что посоветуете, казаки? Вы оба – характерники. Как можно ваш дар в этом деле применить, и что для этого надобно? Все, что **в** моих силах, обеспечу.

– Есть задумки, атаман. Причем не только с Лютиком.

– Говори, Ваня.

– Взятием одного лишь Лютика мы наши трудности не решим. Да, Мертвый Донец для нас открыт будет, и мы сможем в любое время в море туда-обратно ходить, причем вдалеке от Азова, и турки нам никак помешать не смогут. Но на взморье от Лютика помощи нам не будет, он далеко вверх по реке стоит. Нужна новая сильная крепость прямо на взморье. Лучше всего у мыса Таганий Рог. Причем такая, чтобы турки даже подходить к ней боялись. Установить в ней тяжелые пушки с печами, чтобы можно было бить калеными ядрами – вряд ли кто решится со стороны моря напасть. На Миусе не получилось – место неудачное выбрали, а вот на Таганьем Роге в самый раз, его в половодье не затапливает. И будет у нас своя крепость – хорошее подспорье в морских походах. Заодно и туркам дадим понять, что более они закрывать выход из Дона не могут. Ведь если в наших руках не только Мертвый Донец, но и весь северный берег взморья с Таганьим Рогом будет, то туркам только и останется, что в Азове сидеть и носа из него не высовывать. Мы же по Дону и Мертвому Донцу что крепость на Таганьем Роге, что Лютик всегда снабжать сможем, и ни турки, ни татары нам в этом помешать не смогут. Кроме того, наши струги могут там постоянно находиться и взморье под наблюдением держать. И всех турок, что в Азов с моря идут, или из Азова пытаются выйти, перехватывать. А без помощи со стороны Азов долго не протянет.

– Ну, Иван… Матвей, твоя задумка?

– Нет, атаман, его. Хлопец сам своим умом дошел.

– А татары? Ведь они там частенько появляются!

– А что татары? Татары привыкли грабить и народ в полон угонять, а не воевать. Крепость они штурмовать не будут, им это не нужно. Попробуют раз с наскока взять, а как по сусалам получат, так сразу же и сбегут. Там, где грабить нечего, или где на сильный отпор нарываются, они таких мест избегают. Турки же туда большие силы доставить нескоро смогут. Если вообще смогут. Нет у нас другого выхода, атаман, если хотим своим умом жить, а не тем, что воевода велит. Ежели турок хорошо прижмем у себя на Дону, чтобы они пикнуть боялись, то и царь московский совсем по-другому с нами говорить станет. И воеводам своим укорот даст, чтобы воду не мутили.

– Я-то с тобой согласен, Ваня. Сам давно о Таганьем Роге думаю. Эх, если бы не Лютик, чтоб его… Ладно, казаки! Решим дело с Лютиком, решим и с Таганьим Рогом. Ежели по всему Мертвому Донцу мы хозяева будем, то Таганий Рог для постройки крепости лучше всего подходит. Но сначала давайте с Лютиком разберемся. Какие-нибудь задумки по нему есть?

– Есть, атаман…

Снова вокруг тихая ночь, небо затянуто облаками, и снова темные силуэты казачьих стругов бесшумно скользят по воде. Лишь иногда слышится плеск весел, шелест камышей, да лягушки на берегах не умолкают. Сводный отряд стрельцов и казаков уже занял позиции под Азовом, отвлекая внимание турок. Но основные силы казачьего флота уходят в узкий и мелководный Казачий Ерик, чтобы обойти Азов стороной. Снова впереди всех идет легкий быстроходный челн с лазутчиками. Иван сидит на носу, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям. Но на берегах островков, мимо которых проходит челн, нет ни одного человека. Одно лишь зверье – в основном кабаны, хозяева этих мест. В другое время можно было бы устроить тут славную охоту, но не теперь. Вот протока расширяется, камышей становится меньше, и впереди видно спокойное море. На этот раз снова удалось пройти незамеченными, хотя здесь надо было сказать спасибо туркам. По каким-то одним им ведомым причинам они не выставили стражу в месте, удобном для прохода казачьего флота. А может, и выставили, но сама стража решила иначе и спряталась от греха подальше. Благо в гирлах Дона хватает мест, куда только на легкой лодочке пробраться можно, а большие казачьи струги туда не пойдут.

Как бы то ни было, флотилия стругов беспрепятственно прошла через донские гирла, никем не обнаруженная. После выхода разделились. Одни взяли курс на юг – к гирлу Пес-

чаному, на котором стоит Азов, а основная часть отправилась на север – к устью Мертвого Донца. Одному из самых крупных рукавов Дона в его нижнем течении, который может сыграть большую роль в дальнейших событиях. Туда, где в средней части этого рукава стоит крепость Лютик, как называют ее казаки. Или Сед Ислам – Меч Ислама, как называют ее турки. Крепостица сравнительно небольшая – всего лишь квадратное строение с длиной стен порядка пятидесяти шагов с башнями по углам, построенное турками четырнадцать лет назад. Но вокруг крепости ров с водой, и подобраться к стенам трудно. Тем более если пытаться сделать это незамеченным. Мало того, в этом месте Мертвый Донец перегорожен железной цепью, чтобы по нему не могли пройти казачьи струги. Тринадцать лет назад казаки попытались взять этот Меч Ислама, но увы. Крепостица оказалась очень твердым орешком. Теперь решено действовать несколько по-другому. Там, где нельзя одолеть грубой силой, можно одолеть хитростью.

Однако сложности этим не ограничились. Чтобы появиться возле крепости и не вызвать никаких подозрений у ее гарнизона, надо иметь соответствующий вид. Казачий струг для этой цели не годится, даже если сидящие в нем будут выглядеть, как турки, и говорить на турецком. Именно поэтому нужно *настоящее* турецкое судно. Грузовое, не очень большое, не очень новое, *груженое* и с небольшой командой не более десятка человек. В Черкасске и близлежащих казачьих городках ничего даже отдаленно похожего не нашлось, сколько ни искали. Если делать самим то, что обычно строят турки, то это займет довольно много времени, будет выделяться своей новизной, и еще не факт, что удастся добиться абсолютной похожести. Именно поэтому Иван с Матвеем, представив атаману свой план взятия Лютика, и предложили взять то, что «плохо лежит». Иными словами, просто угнать подходящее суденышко из Азова. С командой или без нее – это уж как получится. Судов в Азове, согласно донесениям подсылов, скопилось довольно много. Прошлый выход казаков в море очень напугал турок, и те, кто собирался уходить, несколько подзадержались. Вместе с тем подошли еще суда с грузами, вышедшие из турецких портов. Плюс остатки удравшей турецкой эскадры, команды которой уже нагнали жути на всех местных жителей и прибывших моряков. Именно поэтому в районе Азова сейчас скопилось большое количество самых разнообразных турецких кораблей – как военных, так и торговых, как крупных, так и не очень. И порезвиться в этом «курятнике» сам Господь велел. Но в планы казаков повальный грабеж на Азовском рейде пока не входил, поскольку предстояла гораздо более важная задача – овладеть крепостью на Мертвом Донце. А для этого надо под покровом ночи тихо проникнуть на рейд Азова, тихо умыкнуть подходящую посудину, и также тихо уйти, не переполошив турок раньше времени. Задача в высшей степени сложная и практически невыполнимая. Для простых людей. Но не для небольшого отряда казаков, один из которых характерник. Плохо было лишь то, что за одну ночь крайне сложно суметь выйти в море, добраться до Азова «с черного хода» и успеть уйти с добычей до рассвета, оставшись незамеченным. Поэтому решили не рисковать. Не доходя до гирла Песчаного, укрылись в камышах, где и простояли весь следующий день до самого вечера. И лишь после захода солнца вышли из своего укрытия, направившись ко входу в Дон.

Челн с лазутчиками шел впереди группы из шести казачьих стругов. Однако струги вскоре пристали к берегу, а челн продолжил свой путь дальше. Туда, где высятся крепкие стены Азова, и куда днем соваться не стоит. Но ночь – союзница казаков, позволяла приблизиться к городу довольно близко, оставаясь при этом незамеченным. Тем не менее приходится спешить, чтобы успеть сделать все до рассвета и уйти. Иван внимательным образом прислушивался к окружающему миру. Но пока что опасности не было. Турецкий пост находится чуть выше по течению, да и вряд ли находящаяся там стража бдит как следует. Вести о подходе сборного казачье-стрелецкого отряда *сверху* по течению Дона уже дошли до всех в Азове, поэтому ждать нападения еще и со стороны моря особо не стоит. У казаков сейчас просто не хватит сил ударить с двух направлений одновременно, и турки это хорошо знают. Вот и надо воспользоваться ситуацией…

– Ну что, Ваня, тихо?

– Пока что тихо, Петро. Я поблизости никого не чувствую.

– Скоро турецкий пост должен быть. Они тут завсегда стоят.

– Пусть стоят. Нас они все равно не заметят. Только шуметь не надо.

– Ох, сказал бы мне кто раньше…

Вскоре действительно показался турецкий пост – небольшое строение на правом берегу Дона. И судя по всему, люди там были, причем не просто отбывали очередь, а относились к своим обязанностям серьезно, что оказалось неприятным сюрпризом. Иван тут же доложил о своих подозрениях, на что Петр Трегубов лишь тихо выругался.

– Видать, что-то все же пронюхал этот царский Иуда… Что дальше делать будем, Ваня? Пройдем или нет?

– Сейчас пройдем. Когда пойдем обратно, большой корабль я укрыть от их глаз не смогу, но мы с ним и не управимся. Будем брать какую-нибудь мелочь. Подсылы сказывали, что таких там сейчас много стоит.

– Ну, раз так, давай!!! С Богом, казаки!

Тихо, стараясь не шуметь, челн проходит мимо поста, стараясь держаться ближе к левому берегу. Там все поросло камышом, и на их фоне челн полностью сливается с чернотой ночи. Но дозорные на посту спокойны и не обнаруживают опасности. У них сейчас более важное дело – доносится запах жареного мяса. Очевидно, решили барашка на кебаб пустить. Ну и ладно, казаки на это не в обиде. Вскоре пост остается позади и скрывается за поворотом. Все, дальнейший путь свободен до самого Азова. Лиса пробралась на подворье, и теперь предстоит лишь выбрать добычу не только пожирнее, но и по силам. Что будет сделать довольно сложно на рейде, полном стоящих на якоре судов. Но лиса умна и хитра. Она безошибочно находит то, что ей нужно. И никогда не станет связываться с добычей, которую не сможет утащить.

Глава 4
Хасан

Когда из-за последнего поворота показался азовский рейд, полный стоящих на якоре судов, было уже далеко за полночь. Привычные к гребле казаки не роптали, но все же надо было спешить. Ведь предстоял еще путь назад, гораздо более сложный и опасный. Бесшумным призраком челн подкрался к одному из стоявших ближе к краю суденышек. По мере приближения стало ясно – турецкая фелука. Команда человек пять-семь, не больше. Может ходить как на веслах, так и под парусом. Как раз то, что нужно. Есть ли на ней груз или нет, это не так уж важно. Важно то, что эта посудина со своей осадкой сможет войти в Мертвый Донец и дойти до самой крепости. А уж чем ее загрузить – найдется.

Плеск темной воды, фелука все ближе, и вот наконец-то челн у нее под бортом. Иван контролировал обстановку на предмет малейшей опасности, но… Команда турецкой посудины мирно спала! Даже вахтенный, который должен был бдить, прикорнул, сидя на бочке. Ну что же… Не повезло вам, сердешные, сегодня…

Лазутчики привыкли действовать без шума, поэтому всю команду тихо вырезали во сне. Иван, на всякий случай, был наготове, но не понадобилось. Оставили в живых только капитана, которого тоже удалось повязать тихо и быстро благодаря Ивану. И теперь турок дико таращился на ночных демонов, стоявших перед ним, не способный даже пошевелиться и закричать, поскольку кляп не давал такой возможности. Но неожиданно один из демонов обратился к нему на хорошем турецком языке:

– Ты капитан? Если да, то кивни.

– Угу…

– Слушай меня внимательно. Пока что ты побудешь связанный, но после тебя освободят. Выполняй все, что от тебя потребуют, и клянусь Аллахом, ты останешься жив. Если согласен, кивни.

– Угу…

– Вот и хорошо. А пока продолжай спать, до рассвета еще далеко.

И пленный тут же закрыл глаза. Петр и остальные казаки с удивлением глянули на Ивана.

– Ваня, чего это с ним?! Окочурился, что ли, со страху?

– Нет, просто спит. Спящий он нам сейчас более удобен. А то еще буянить начнет.

– Как спит?!

– Я ему сказал – спать. Вот он и спит.

– Ты и это можешь?!

– Могу.

– Ну, Иван!!!

– Петро, потом удивляться будешь. Тикать отсюда надо, и побыстрее. Нехорошее предчувствие у меня.

– Ты что-то узнал?

– Нет, но чувствую. Турецкий пост будем проходить, как рассветет, чтобы нас хорошо разглядели.

– Зачем?!

– Ждали нас здесь. Не спрашивай, откуда я это знаю. Все равно не смогу объяснить. Просто знаю, и все. Поверь на слово. Поэтому сделаем несколько по-другому, чем ранее задумали. Этого капитана здесь многие стражники знать должны, вот он мимо поста нас и проведет. Я – осман, родственник купца и хозяина этой посудины, который получил приказ азовского паши

доставить груз продовольствия в крепость Сед Ислам. Но сам хозяин таким делом заниматься не будет, у него для этого мальчик на побегушках имеется. То есть я. Вы – нанятая команда из понтийских греков. Вряд ли кто в крепости греческий знает. А если знает, то я рот излишне любопытным заткну. Мы вышли из Азова еще до рассвета, чтобы засветло успеть до крепости добраться, и пока здесь проклятые гяуры-казаки не появились.

– Ну, Ваня, как по писаному чешешь!!! И как же вас теперь звать-величать, досточтимый бей-эфенди?

– Пусть будет… Хасан!

– Слушаюсь, досточтимый Хасан-бей! Что прикажете?

– Рубим якорный канат – выбирать якорь некогда, спускаемся по течению, а там поднимаем парус и идем так, чтобы подойти к посту с рассветом. Заранее переодеваемся в турецкие тряпки, что с собой взяли. Я, как истинный осман и родич богатого купца, побогаче. Вы, как презренные греческие голодранцы, попроще. Пусть нас заранее разглядят как следует, а то еще пальнут, не разобравшись в темноте. Челн спрячем по пути в камышах, с ним мимо поста лучше не идти. Если турки нами заинтересуются, то я вместе с капитаном с ними поговорю. Если нет – идем дальше. Без какой-либо спешки и не привлекая внимания. А там посмотрим…

Казаки быстро распределились по суденышку, якорный канат перерезан, и вот оно уже медленно сплавляется вниз по течению. Иван контролировал обстановку, но опасности пока не ощущал. То ли стража на стенах Азова вообще не заметила, что одно из судов стало потихоньку удаляться, то ли не придала этому значения. И пока есть время до подхода к посту, надо все как следует обдумать еще раз. Он не стал говорить Петру всего, что узнал, заглянув в душу турка. Мерзкую душонку, кстати. Как все закончится, надо будет поскорее отправить его на встречу с Аллахом. Будь запас времени, и если бы Ивана кто послушал, то повесил бы мерзавца, чего боятся все турки. Но раскрываться, увы, нельзя. Иначе казаки поймут, что он может узнавать то, что скрыто в душе, даже не прибегая к искусству ката. А поразмыслить есть над чем. Самое неприятное, что их тут ждали. Просто не ожидали такой наглости. Но то, что казаки перекроют выход из Дона со стороны моря и могут ночью подойти под самые стены Азова, взяв его в клещи, туркам стало известно. Значит, либо в окружении войскового атамана завелся турецкий подсыл, либо воевода каким-то образом пронюхал. Хорошо по крайней мере то, что о планах захвата небольшого турецкого суденышка на рейде Азова и штурма Лютика до самого выхода в поход знали всего четыре человека. Сам войсковой атаман Яковлев, атаман Самаренин, как командующий походом, а также Матвей Колюжный и Иван, как разработчики плана. Даже есаулы и Петр Трегубов с остальными казаками-лазутчиками не были посвящены в это, и узнали лишь тогда, когда казачья флотилия вышла в море. А до этого все считали, что идут блокировать выход из Дона, чтобы никто из турок не сбежал. Про Лютик турок тоже ничего не знает, но это ни о чем не говорит. Никто не станет делиться секретными сведениями с кем попало. А вот то, что он бывал в Лютике раньше, доставляя туда припасы, это очень хорошо. Правда, дальше двора крепости его не пускали, но и то хлеб. И коменданта крепости досточтимого Кадыр-бея он знает, а тот знает его. Так что у мерзавца есть возможность пожить на этом свете еще пару дней, а может быть даже все три! Тут уж как получится…

Когда на востоке забрезжил рассвет, турецкая фелука под парусом вышла из-за поворота перед постом и направилась на выход в море. Ничего, способного вызвать хоть какие-то подозрения, на ней уже не было. Старая команда кормит донских раков, а новая суетится на палубе, подгоняемая окриками недовольного капитана. На корме восседает молодой, но судя по всему, довольно богатый осман в дорогой одежде, лениво поглядывая то на суетящихся матросов, то на проплывающие мимо берега. С берега заметили ранних гостей и просигналили подойти ближе. Проскочить беспрепятственно не получилось.

Капитан турок, как выяснилось – Касим, побледнел, но дал приказ править ближе к берегу и убрать парус. Петр вопросительно глянул на Ивана, но тот лишь кивнул, не меняя безразличного выражения лица. Поравнявшись с постом, фелука спустила парус и медленно сплавлялась по течению, когда от берега отошла лодка и понеслась к борту. Видать, страже скучно, вот и изображают кипучую деятельность. Да и на бакшиш надеются, скорее всего.

А вот тут вам, служивые, не повезло.

Последние взмахи весел, и на палубу взбираются два человека. Еще два остаются в лодке и внимательно наблюдают. Очевидно, стража никак не возьмет в толк, откуда взялись эти сумасшедшие, собирающиеся выходить в море, когда оттуда ждут казаков. Чем и поинтересовался старший из стражников сразу же после взаимных приветствий. Турецкий капитан начал что-то мямлить, но Иван глянул в глаза служивому.

– Уважаемый, я – Хасан, посланец досточтимого Энвер-паши. Мне приказано выполнить данное им поручение. Выполнить даже ценой своей жизни. Какое именно, я сказать не могу. Вот бумага, обязывающая всех оказывать мне всяческое содействие. Поэтому мне и моим людям нужно немедленно пройти в море, даже рискуя нарваться на проклятых гяуров. Вы меня понимаете?

– Да, Хасан-бей, но ведь это очень опасно! Гяуры рыщут где-то поблизости!

– На все воля Аллаха! У меня нет пути назад, только вперед.

Это в корне меняло дело. Рассыпавшись в извинениях, что невольно задержали такого важного человека, стража тут же ретировалась, пожелав счастливого пути. Фелука снова подняла парус и продолжила свой путь вниз по течению. Когда удалились достаточно далеко, все перевели дух, а Петр подошел к Ивану, по-прежнему важно восседавшему на корме и поглядывающему по сторонам.

– Ну, Ваня, не ожидал, что ты турок так оприходуешь! Или ты их… того?

– Того, Петро, того. Только помалкивайте об этом. Когда их спросят, что они видели, то все скажут, что прошла фелука, на которой был посланец Энвер-паши с важной бумагой, согласно которой все должны ему помогать.

– Какая бумага?! Ведь у тебя нет ничего!!!

– Это ты знаешь, что нет. А вот турки, что тут были, считают, что есть.

– Ну, Ваня… Хасан-бей… Далеко пойдешь!!! Так, может быть, мы и во дворец к турецкому султану наведаемся?

– А что, я не против! Пошли.

– Тьфу на тебя, шут гороховый!!! Дальше что?

– Идем на выход в море, как добропорядочные турецкие купцы, и никого не трогаем. Там наши стоят, это тоже одна из причин, почему я хотел из Дона по-светлому выходить. А то еще нас за турок примут.

– Не боись, не примут.

– Не-ет, Петро! Как говорится, на все воля Аллаха! Но на Аллаха надейся, а верблюда привязывай!

– Ну, Хасан хренов!!! Ишь, как в личину турка вошел!

– Так надо, Петро! Вот увидишь, нам эта личина еще не раз поможет.

Вокруг раздался смех. Все откровенно забавлялись, поглядывая на восседавшего на бочке с важным видом «Хасана». Иван же, полностью войдя в роль купеческого приказчика, лишь снисходительно улыбался, лениво отвечая на реплики товарищей.

– Нет, ну вы только гляньте на него, казаки! Ну прямо вылитый турчонок!

– Да не простой турчонок, а из богатеев!

– И такой же наглый, нагайки просит!

Так под смех и шутки дошли до самого выхода из Дона, где встретились с находившимися в засаде казачьими стругами. Казаки действительно поначалу было приняли идущую под

парусом фелуку за пытающихся выйти в море турок, но разобрались быстро. И скоро смех начался и среди них, когда увидели царивший на палубе турецкого суденышка «маскарад». Разумеется, в центре внимания оказался «Хасан». Но задерживаться здесь было нельзя. Сообщив важные сведения командовавшему отрядом есаулу и посоветовав не соваться под стены Азова, а продолжать находиться на прежнем месте, Петр Трегубов повел фелуку на север, к устью Мертвого Донца. Нужно было обязательно успеть дойти до крепости засветло. На этом и строился весь расчет.

Фелука быстро шла вперед, рассекая небольшие волны залива, а Иван думал, как построить разговор с комендантом крепости. То, что они с пленным турком Касимом знают друг друга, невероятная удача. Но надо, чтобы турок не взбрыкнул в решающий момент. Если же все время подавлять его волю, то это могут заметить при внимательном наблюдении. А уж то, что за ними будут наблюдать во все глаза, сомневаться не приходится. Значит, надо придумать какой-то ход, позволивший не только попасть внутрь крепости вместе с Касимом, чтобы его обязательно опознали, но и исключить любую возможность его самостоятельных действий. А пока есть время, надо действительно письмо коменданту Лютика написать. Тем более уже давно удалось раздобыть образцы писем и печати канцелярии азовского паши, подписанные лично самим пашой. До сегодняшнего дня эти ценные трофеи лежали без дела, так как применить их было просто негде. Никто из казаков, вышедших в поход, кроме Ивана, об этом не знал. Даже атаман Самаренин. Вообще-то письмо к коменданту Лютика «от Энвер-паши» было заготовлено еще в Черкасске, но без указания даты и с упоминанием одного лишь Хасана. Теперь же Иван решил написать новое, куда обязательно включить имя пленного турка. Даже если у коменданта и возникнут поначалу какие-то подозрения, то упоминание в письме имени его старого знакомого должно их развеять. Благо точная копия печати, чернила, перья и бумага лежали в коробе, который он захватил с собой, и можно было при желании состряпать любые документы за подписью «паши», которую Иван научился подделывать виртуозно. Погода стояла хорошая, брызги на палубу не залетали, поэтому Иван занялся составлением письма, достав письменные принадлежности и используя крышку короба в качестве стола. За этим делом его и застал Петр, глянув через плечо.

– Что пишешь, Ваня? И как ты только в этих закорючках разбираешься?

– Письмо от азовского паши коменданту Лютика составляю. А закорючки – это османский вариант арабского алфавита.

– Ну и слова мудреные какие-то! Ты по-русски скажи.

– Буквы у турок такие. Похожи на арабские, но не совсем. Надо в письме обязательно имя нашего Касима, чтоб ему в аду гореть, упомянуть. Тогда нам веры больше будет. И есть у меня еще к тебе разговор, Петро. Как нам все лучше сделать…

По мере разговора Петр все больше удивлялся. Уточнив некоторые вещи, усомнился в их необходимости, но Иван был непреклонен.

– Нет, Петро. По-другому никак нельзя. И так нас подозревать будут, что могут даже в крепость не пустить. Вполне могут забрать припасы прямо на берегу и пожелать счастливого пути обратно – прямо в лапы гяуров. Тем более, я *уверен*, что комендант Лютика заранее предупрежден о том, что мы собрались идти на Азов. Если знают в Азове, причем даже такие голодранцы, как наш Касим, то комендант крепости тем более знать должен. Нельзя считать врага глупее себя. А турки – далеко не дураки, ты это знаешь.

– Но ведь это очень опасно!

– Не опаснее абордажа турецкой галеры.

– Ну, ладно… Поговорю с атаманом…

Оставшийся путь до Мертвого Донца прошел без приключений. Море было спокойным, дула легкая «низовка», и фелука резво шла вперед. До тех пор, пока не свернула в устье Мертвого Донца и не попала прямо в объятия спрятавшихся здесь казаков. Впрочем, разобрались быстро, система сигналов была отработана еще в Черкасске. И вскоре фелука стояла в окружении казачьих стругов, выделяясь среди них значительно более крупными размерами, а находящиеся в стругах казаки не могли удержаться от хохота. Причем громче всех хохотал отец Ивана при виде сына. [2]

– Петро, а что это ты за малахай напялил?!

– А Ванька-то, Ванька! Вылитый турок!

– Хорош, казаки! Хватит лясы точить, надо дело делать!

Окрик атамана утихомирил страсти. Вместе с есаулом Степаном Платовым они перебрались на палубу фелуки и осмотрели трофей.

– Добрую посудину взяли, Петро, молодцы! Пожалуй, что такая и нам пригодится. А это еще что за чучело?

– Да это турка одного прихватили.

– Зачем?!

– А про то пусть Иван сам расскажет…

По мере рассказа лица атамана и есаула вытягивались все больше. Когда Иван закончил, Самаренин все же усомнился:

– Ваня, а сможешь? Ведь на грани будешь действовать.

– Смогу, атаман. А сейчас надо припасы в фелуку погрузить, а потом аккуратно ее обстрелять, чтобы лишнего не испортить. Да поскорее. Нам обязательно надо прийти в крепость до заката.

– Понятно… Добре, казаки! Начинаем…

Вскоре пустая фелука оказалась до предела нагружена различными припасами, которые отправил «паша». Расставаться с этим атаман не боялся, все равно назад заберут, когда возьмут крепость. А не возьмут… Не стоит это барахло возможных потерь. После погрузки самые опытные стрелки аккуратно произвели с десяток выстрелов, чтобы на корпусе и парусах были заметны свежие попадания пуль, но при этом стараясь не допустить сильных повреждений. И лишь после этого фелука продолжила путь, теперь уже вверх по течению Мертвого Донца. Благо ветер был попутный, и не требовалось махать веслами.

Но турецкая фелука шла не просто так. За ней по пятам «гнались» два казачьих струга. Расстояние было еще довольно большим, но постепенно сокращалось, и если бы кто наблюдал за этой картиной со стороны, то у него вряд ли бы возникли сомнения в результате этой гонки, продолжайся она достаточно долго. На стругах гремели ружья и фальконеты, с фелуки им тоже отвечали редкими выстрелами. Но ветер все же здорово выручал «турок», и с такой скоростью они имели все шансы успеть добраться до крепости Сед Ислам раньше, чем будут настигнуты проклятыми гяурами.

Шумела вода под форштевнем, и паруса, наполненные ветром, гнали фелуку вперед. Беглецам пока что удавалось если и не сохранять дистанцию между ними и преследователями, то вынуждать их догонять очень медленно. Мимо проносились близкие берега, поросшие камышом, а впереди уже видны стены крепости Сед Ислам и перегораживающая Мертвый Донец цепь. Там, без сомнения, заметили приближающуюся фелуку и рвущуюся за ней погоню, но пока еще ничем не могут помочь – дистанция великовата. Казаки это прекрасно понимают и не отстают, все же надеясь завладеть ценной добычей, которая уже так близко…

[2] Ветер западных направлений (*местный жаргон*).

И вот наконец-то грянули выстрелы из пушек со стен крепости. Конечно, попасть с такого расстояния можно лишь случайно, но гарнизон дал понять проклятым гяурам, что легкой добычи не будет. Взметнулись столбы воды от упавших ядер, причем довольно далеко от стругов, но они все же сделали свое дело. Гяуры решили не рисковать и повернули обратно, тем не менее не прекращая обстрел.

Иван и Петр переглянулись. Пора. Иван отвлек своим вопросом пленного турка, а Петр, прикрыв пистолет заранее приготовленным мешком, выстрелил Касиму в грудь. Теперь есть возможность не только попасть внутрь крепости, но и убедить коменданта в том, что они те, за кого себя выдают. Петр тут же выбросил мешок за борт, а Иван склонился над раненым, рухнувшим на палубу, и быстро обнажил рану, начав накладывать на нее повязку.

– Ваня, а раньше времени не загнется?

– Не волнуйся, Петро! Загнется, когда надо. Хоть какая-то польза от него будет. Теперь говорим только по-турецки, предупреди еще раз казаков…

Петр вернулся к управлению фелукой, а Иван, наложив повязку на рану, влил в рот турку немного какого-то снадобья и глянул в его искаженное болью лицо.

– Вот так, Касим. Это тебе достойная награда за все, что ты натворил в жизни. Аллах не любит таких, как ты. Поэтому ты отправишься прямиком в ад. Там тебе самое место. Прощай.

Раненый закрыл глаза, а Иван тщательно проверил его состояние, проведя руками вдоль тела. Ничего, проживет еще какое-то время. Умер бы он от этой раны или нет, еще неизвестно. Но медленно действующий яд не даст ему ни малейшего шанса. И правоверный Касим, подданный великого султана Блистательной Порты, отправится на встречу с Аллахом еще до захода солнца… Хотя скорее всего не с Аллахом, а с шайтаном. Причем не приходя в сознание. А больше от него ничего и не требуется.

Но вот наконец-то полный опасностей путь из Азова закончен, и фелука пристает к берегу возле стен крепости Сед Ислам, стоящей в устье ерика Лютик. Сразу было видно, что служба здесь несется, как положено. На стенах стояла стража, высматривая врага, а видневшиеся стволы пушек говорили о том, что если только кто рискнет подойти близко, то получит массу неприятностей. На берегу уже появились встречающие, и сразу же завязалась оживленная беседа. Выручало то, что все лазутчики неплохо знали турецкий язык и вполне могли сойти за понтийских греков, находящихся на турецкой службе. Все удивлялись, как этим смельчакам удалось прорваться из Азова и уйти от казаков. Но Иван быстро пресек пустые разговоры, направив их в деловое русло:

– Эфенди, мне нужно срочно видеть коменданта крепости. Проводите меня к нему. И вызовите лекаря, наш капитан ранен. Боюсь, что смертельно.

Команда из «греков» занялась разгрузкой вместе с турецкими солдатами, а Ивана проводили внутрь крепости. Он спокойно шел вместе с сопровождающими его аскерами, запоминая маршрут и обращая внимание на любые мелочи. Крепость Сед Ислам представляла собой строение квадратной формы с башнями по углам. Стены каменные и довольно высокие, просто так на них не заберешься. На стенах стоят пушки и находятся караульные посты. Вокруг стен – ров с водой. Пройти можно только по узкому мосту, находящемуся возле ворот. Но соваться сюда – верная гибель. Место хорошо простреливается со стен сверху и через бойницы. Длина каждой стены – шагов пятьдесят. Но внутри крепости неожиданно оказалось довольно много людей. И как турки тут помещаются? На Ивана обращали внимание, но опасности он не чувствовал. Его признали за своего. А среди тех солдат, кто сейчас помогает на разгрузке фелуки, ни одного грека нет, это он выяснил сразу же. Поэтому какое-то время их будут принимать за настоящих посланцев из Азова. Сейчас же главное – разговор с комендантом. Из памяти Касима Иван узнал, что комендант – фрукт еще тот.

Войдя в комнату, Иван увидел сидевшего за столом уже немолодого турецкого офицера, читавшего какие-то бумаги. Старший из аскеров, сопровождавших гостя, заранее доложил о прибытии, и теперь Иван предстал перед взором местного начальства. Поздоровавшись согласно всем правилам этикета и пожелав долгих лет жизни и благополучия, с поклоном вручил деревянный пенал, в котором лежало письмо. Комендант небрежно ответил на приветствие и занялся чтением письма. Впрочем, ничего особенного в нем не было. Разве что известие о прибытие казаков под стены Азова. Почитав, усмехнулся и глянул на гостя.

– Чего-то подобного я и ожидал. Но как вам удалось вырваться из Азова, Хасан?

– Мы вышли еще до рассвета, уважаемый Кадыр-бей. Эти нечестивцы-казаки, да покарает их Аллах, заняли позиции выше Азова и нашего ухода не видели. Весь путь до выхода в море прошли спокойно, никого не встретив. В море почти до самого устья Мертвого Донца тоже не было никаких помех, но тут неожиданно появились гяуры. Очевидно, они прошли по какой-то мелководной протоке и погнались за нами. Хорошо, что дул попутный ветер, и нам удавалось сохранять дистанцию. Но в реке они начали нас потихоньку настигать. Если бы не ваши пушкари, то могли бы и не уйти. Да продлит Аллах ваши дни, уважаемый Кадыр-бей.

– Понятно. Я слышал, ваш капитан ранен?

– Да. Получил пулю уже тогда, когда гяуры развернулись и стали уходить. Я перевязал его, как мог, и сразу же попросил вызвать лекаря, едва мы подошли к берегу.

– Ничего, если он сразу не умер, то думаю, что наш лекарь вытянет за ноги с того света этого старого грешника. Как там сейчас обстановка в Азове?

Тут врать было опасно, поэтому Иван начал рассказывать лишь то, что сумел узнать в памяти Касима, и то, что передавали находящиеся в Азове подсылы. Ничего удивительного в этом не было – предатели есть у всех. И ни казаки, ни турки не брезговали прибегать к их помощи. Выручало также то, что Иван, то бишь Хасан, как простой купеческий приказчик, мог знать лишь сведения общего характера, известные всему населению Азова. Впрочем, комендант крепости их тоже прекрасно знал и, не услышав в рассказе гостя ничего нового, лишь махнул рукой:

– Думаю, все будет, как и раньше. Побузят немного казаки, постоят под стенами Азова и уйдут. Не в первый раз. Слишком мало сейчас у них сил, чтобы взять город штурмом.

– Но ведь они могут начать осаду, уважаемый Кадыр-бей. Если они подошли к Азову со стороны верховьев Дона, то ведь вполне могут сделать это и со стороны моря. Те, кто за нами погнались, вполне могли быть передовым отрядом, прошедшим по мелководным протокам. Казаки так часто делали. И будут перехватывать все наши суда, идущие в Азов.

– Скорее всего, так и будет, Хасан. Но мы поломаем гяурам их планы. Возвращаться обратно в Азов тебе сейчас очень опасно. Думаю, устье Дона уже заблокировано казаками, и если ты только сунешься туда, то тут же попадешь им в лапы. Сейчас вам очень повезло, что вы успели проскочить раньше, чем эти разбойники вышли в море. Поэтому у тебя есть хорошая возможность сослужить службу нашему великому султану, да продлит Аллах его дни. Ваш капитан тяжело ранен, а как у тебя и твоих людей с искусством навигации?

– Увы, уважаемый Кадыр-бей. Мои люди хорошие, опытные матросы, умеющие управляться с парусами и веслами, в том числе и в плохую погоду. Но навигаторы из них неважные. Если не сказать – никакие. Если идти все время вдоль берега, то еще куда ни шло. Но если идти напрямую через море… Вряд ли. Я же вообще в этом мало что понимаю. Мое дело – торговля.

– Жаль… Думал отправить тебя в Керчь, чтобы предупредить там всех о вылазке гяуров… И у меня здесь ни одного толкового моряка нет.

– Но ведь в этом нет необходимости, уважаемый Кадыр-бей! Азовское море не такое уж и большое. Мы можем идти все время вдоль берега, не упуская его из виду, и рано или поздно все равно доберемся до Керчи!

– Хм-м… Пожалуй, ты прав, Хасан. Это единственный выход. Не боишься идти в море?

– Не боюсь! Наша фелука – очень надежное судно, а команда хорошо знает свое дело. Лишь бы не напороться на казаков.

– По этому поводу вряд ли стоит опасаться. Эти разбойники с большой дороги уже ушли. Сторожить вас на выходе из Мертвого Донца нет никакого смысла. Во-первых, по их мнению, никто в здравом уме сейчас выходить отсюда не будет. А во-вторых, даже если и будет, то с него все равно взять нечего. Поэтому, как стемнеет, уходите. Идите все время вдоль северного берега, тогда казаки вас не заметят ночью, даже если будут где-то поблизости.

– Но нам надо устранить поломки, полученные при обстреле. Да и запасов у нас на такое плавание нет. Ведь мы собирались идти именно сюда, поэтому брали как можно больше груза в ущерб запасам.

– А говоришь, что ничего не понимаешь в этом деле, Хасан! Может быть, как капитан ты и не силен, но как купец рассуждаешь вполне здраво. Хорошо, уйдете в следующую ночь, одни сутки ничего не решат. Завтра, как рассветет, начинайте починку своей посудины, и возьмите припасов на двойной переход до Керчи. Никогда не знаешь, с чем придется встретиться в море. Я не хочу, чтобы вам пришлось приставать к берегу на полдороги из-за того, что у вас кончится вода или провизия.

– Благодарю вас, уважаемый Кадыр-бей! Я все сделаю так, как вы велите!

Откланявшись, Иван покинул коменданта. Ему любезно разрешили переночевать в казарме и сказали, что будут кормить наравне с остальными. Только его, о нанятых греках из команды фелуки «забыли», а Иван не стал напоминать. Его это вполне устраивало.

Первым делом он решил выяснить, как себя чувствует Касим. Но увы. Лекарь, осмотревший раненого, сказал, что надежды нет, и вряд ли он доживет до утра. Рана серьезная, поэтому остается уповать лишь на милость Аллаха. У Касима начался жар, и он до сих пор так и не пришел в сознание. Высказав сожаление, что так все получилось, Иван вышел во двор крепости и осмотрелся. Стены высокие, ворота прочные и тяжелые. Такие только из пушки разбить можно, да и то не сразу. Конструкция ворот довольно простая, но очень надежная в своей простоте. Поэтому его задача – вовремя ликвидировать находящуюся возле ворот стражу и открыть их. Но сделать это одному будет очень трудно. Значит, придется действовать по запасному варианту, предварительно дав возможность проникнуть в крепость остальным казакам-лазутчикам. И кроме как по веревке, сброшенной со стены, по-другому это сделать не получится. А на стене стража. И не один-два человека, а гораздо больше.

Выйдя из крепости на берег, где уже заканчивали выгрузку фелуки, Иван подозвал Петра и обрисовал ему ситуацию. Все нужно сделать этой ночью, казаки будут ждать сигнала. Рассказу «Хасана» поверили и пока что принимают их за настоящих посланцев азовского паши. Но надо спешить. Не исключено, что у турок здесь имеется своя голубиная почта, и нежелательное сообщение из Азова может прийти в любой момент. И хвала Аллаху, что он до сих пор так и не удосужился ниспослать просветление сознания Касиму.

Вскоре полуночи Иван вышел из казармы во двор крепости. Ворота давно закрыты, а стража на стенах бдит как следует. Вокруг тишина, ветра почти нет, лишь надоедливые комары докучают своим присутствием. Пора начинать. На стенах, как он перед этим выяснил, несут караульную службу двенадцать человек. Смена произведена в полночь. Хорошо по крайней мере то, что стража не ходит по стенам постоянно, а большую часть времени наблюдает из угловых башен, поэтому со стороны их не видно. А то угодить в такой ситуации под меткий выстрел из лука или арбалета – проще простого, человеческий силуэт на стене на фоне неба виден снизу очень хорошо. Ведь в темноте одиночному стрелку можно подобраться к стенам крепости довольно близко.

Отведя глаза всем, кто был поблизости, Иван стал медленно и бесшумно подниматься по каменной лестнице на стену. Вот и последняя ступень. Здесь ощущается дуновение свежего

ветра со стороны моря. Вокруг – ни огонька. Только луна выглядывает из-за туч. Совсем рядом серебрится лента Мертвого Донца в лунном свете. Согласно разработанному плану, казаки должны уже подойти как можно ближе к крепости и ждать сигнала. Лазутчики ждут на борту фелуки, ошвартованной к берегу. Как-никак, охранять хозяйскую собственность надо, а спать вполне можно и здесь. Погода теплая, и сон на палубе на свежем воздухе гораздо лучше сна в душной и переполненной казарме. Вот они и «спят». Во всяком случае, караульные на стенах так считают.

Иван посмотрел по сторонам и не обнаружил ничего подозрительного. Караульные во всех четырех башнях его *не видели*, хотя иногда и поглядывали вокруг. Но в основном они очень внимательно вглядывались в ночную темень. Туда, откуда могла грозить опасность. Осторожно направившись к ближайшей башне, он ясно ощутил напряженность трех человек, пытавшихся разглядеть возможную опасность. Они здесь не видны с земли и неуязвимы для оружия врага, который вздумает подкрасться на дальность выстрела. И готовы в любой момент поднять тревогу. Но они не ждут нападения с тыла, от своих. Впрочем, если бы и ждали, то это им не помогло. Иван бесшумным призраком скользнул внутрь башни и тут же сковал волю всех троих. Три быстрых удара кинжалом, и три неподвижных тела распростерлись на каменном полу. Вытерев клинок об одежду последней жертвы, Иван прислушался. Нет, все тихо. Никто ничего не заметил. И направился к следующей башне.

Обойдя стены крепости по периметру, как невидимый и неслышимый ангел смерти, Иван вышел из последней башни и сбросил вниз веревку, предварительно закрепив ее внутри. А после этого вышел на середину стены, чтобы его было хорошо видно снизу на фоне неба, и вскинул руки вверх. По этому сигналу лазутчики должны быстро перебраться через ров с водой и подняться по веревке на стену. Благо вся стража, находящаяся на верхних постах, уже на пути к Аллаху. А те, кто сторожит ворота изнутри, не видят, что делается вокруг. Им доступен для наблюдения лишь очень узкий участок – перед мостом и сам мост. Первая часть плана была успешно выполнена – часовые на стенах убраны без шума. Иван снова отошел в тень башни и стал ждать.

Вскоре раздался едва слышимый шорох, и над парапетом стены показалась голова Петра. Иван был рядом и тут же обозначил себя, прошептав:

– Петро, это я.

– Ух, Ванька, а я тебя за турка принял!!! Все тихо?

– Все тихо. Караульных на стенах я снял, остались четверо возле ворот. Остальные спят, и смена караула нескоро. Давайте за мной…

Четверо лазутчиков во главе с Петром быстро поднялись на стену и осмотрелись. Двое на всякий случай остались снаружи, у самой стены. Вокруг была тишина. Гарнизон крепости Сед Ислам крепко спал. Иван, стараясь не шуметь, стал спускаться по лестнице вниз, ведя за собой казаков. Надо торопиться. А то вдруг кому-нибудь из турок взбредет в голову дурная мысль выйти во двор среди ночи? Может и помешать, если успеет шум поднять. Но опасения не оправдались, двор крепости был пуст, и казаки беспрепятственно достигли входных ворот. Осталась последняя помеха – четверо стражников, откровенно клевавших носом. Их можно было понять – какой смысл стоять возле наглухо запертых прочных ворот, откуда толком ничего не видно, что делается снаружи, когда на стенах находятся двенадцать человек, хорошо просматривающих все окрестности? Но служба есть служба. Сказали стоять возле ворот – значит стой.

Отведя глаза страже, Иван подошел почти вплотную, «лишив воли» всех четверых, и дал знак Петру. Быстрые удары кинжалом, и можно открывать ворота. Но сначала – сигнал казакам, притаившимся в ночной темноте неподалеку от крепости. Петр снял горевший фонарь со стены и начал то поднимать его на уровень бойницы в воротах, то убирать. И очень скоро с той стороны послышался крик совы. Теперь медлить нельзя. Отодвинуть засовы и отворить тяже-

лые створки. Шум это издает приличный, поэтому все должно быть согласовано по времени. И когда из казармы выглянуло несколько разбуженных шумом удивленных турок, казаки уже ворвались внутрь крепости.

Дальнейшее было вполне предсказуемо. Турецкий гарнизон, спящим захваченный врасплох, серьезного сопротивления не оказал. Хотя кое-кто из турок постарался подороже продать свою жизнь, но на исход боя это не повлияло. Очень многие в условиях возникшей паники просто не смогли добраться до оружия. Те, кто оказал сопротивление, были тут же зарублены. Остальные, согнанные в угол двора, сдались. В плен угодил и сам комендант крепости, который теперь лишь сыпал проклятия на головы гяуров и пытался понять, как такое могло произойти. Лазутчики в этом участия не принимали, а сразу же, пропустив казаков внутрь крепости, укрылись на своей фелуке. А то еще не хватало в горячке боя от своих удар саблей получить, ведь в потемках вполне могут перепутать из-за турецкой одежды. Когда все закончилось и Сед Ислам пал, их вызвал атаман Самаренин.

– Молодцы, казаки. Такую важную крепостицу помогли взять, и с небольшими потерями. Только еще раз повторяю – молчите. Как именно вы это сделали, никому знать не надобно. Сделали и сделали. А тебе, Ваня, земной поклон от всех. Если бы не ты, ничего бы этого не было. А сейчас у меня к тебе разговор есть. Пойдем, поговорим…

Иван удивился, но пошел следом за атаманом. Отойдя в сторону, чтобы их никто не мог слышать, Самаренин спросил:

– Ты как, сильно устал? Сможешь сейчас из главного турка все сведения вытряхнуть, как из того турецкого адмирала?

– Смогу, атаман, только лучше этого не делать.

– Вот как?! Почему?

– Ежели я с ним потолкую, то он запомнит, что я его волю давил. И тогда придется его обязательно к шайтану отправить, поскольку иначе он обо мне все рассказать сможет. И то, что никакой я не Хасан, и то, что могу волю человека своей волей подавить, и все, что он знает, на свет божий вытащить. Ведь войсковой атаман обязательно захочет выкуп за этого турка получить. И если его отпустить, то после этого обо мне весь Азов знать будет. А там и не только Азов. И как лазутчику мне после этого – грош цена.

– Хм-м, а вот об этом я как-то не подумал… Снова ты прав, Ваня. И что же делать? Федьке его отдать?

– Можно и Федьке, но зачем? Что этот главный турок, который Кадыр, важного знать может, если в этой глуши сидит? По-настоящему секретные сведения ему сюда отправлять не будут, смысла в этом нет. Только то, что самой крепости касается, да последние азовские сплетни. Все его бумаги в наших руках, сжечь он ничего не успел. Давай, прочту. Но так, чтобы он меня не видел. И лучше, чтобы вообще никто из турок меня больше не видел. Пусть думают, что купеческий приказчик Хасан либо погиб, либо сумел удрать.

– Ну, Ваня, и голова у тебя! Хорошо, будьте все возле фелуки и в крепость не суйтесь. Нечего туркам вас видеть. Да, и снимите наконец эти турецкие тряпки, только внимание привлекаете. Бумаги я тебе сам утром принесу, тогда и прочтешь…

Как говорится, утро вечера мудренее, и Иван с этим спорить не стал. Быстро переодевшись и приняв вместе с остальными лазутчиками нормальный казачий вид, завалились спать прямо на борту трофейной фелуки, которую уже считали своей. Хоть некоторые и выражали готовность принять участие в таком увлекательном и интересном деле, как пограбить, но Петр всем доходчиво объяснил – в крепость не соваться. Чем меньше турок будет их видеть, тем лучше. Поворчав для порядка, казаки подчинились. Да и вряд ли в этой небольшой крепостице, находящейся на задворках Османской империи, найдется что-то действительно ценное. Никто на это особо и не рассчитывал.

Утро началось с того, что снова нагрянул атаман. Злой и не выспавшийся. Как и ожидалось, ничего ценного в крепости не нашлось. Разве что кроме пушек да некоторой суммы в золоте и серебре из личных денег коменданта и офицеров. Казна крепости была практически пуста. Неизвестно, приложил ли к этому руку ушлый комендант, но на общий итог это все равно не влияло. Атаман принес большую кипу бумаг, и Иван сразу же углубился в чтение. В подавляющем большинстве документы были малоинтересны и касались хозяйственной деятельности. Но вот несколько бумаг выбивались из общей картины. Это была личная переписка между комендантом крепости и азовским пашой. Среди привычных для турок витиеватых выражений и восхвалений султана с пожеланием ему долгих лет жизни и прочей словесной мишуры были факты, прямо говорящие о том, что в Азове хорошо знают не только, что творится в Черкасске и остальных казачьих городках, но и о том, что планируют предпринять казаки в ближайшее время. Причем узнавали турки обо всем очень быстро. Именно поэтому ночное нападение на крепость оказалось для всего турецкого гарнизона во главе с комендантом полной неожиданностью. Чрезвычайные меры секретности, предпринятые перед походом, а также умело подброшенная дезинформация себя полностью оправдали. Но это не решало главной проблемы – наличие хорошо налаженной разведывательной сети турок среди казаков и хорошая организация быстрой доставки сообщений. Именно это и высказал Иван, прочтя последний документ. Самаренин лишь выругался и махнул рукой.

– А что толку, Ваня? Мы с Корнилием это уже давным-давно подозревали. Сейчас лишь наши догадки подтвердились, ничего нового я не узнал. И пока московский воевода здесь сидеть будет, ничего не изменится. Сам лично он ничего туркам не пишет, чтобы можно было его носом ткнуть. И никто из его ближайших помощников тоже не пишет, все на словах передается. Да еще может быть, что помощники о том и не знают. Большинство, во всяком случае. Он ведь, ирод, что делает. Не за золото туркам сведения шлет, тогда его взять на горячем было бы куда как проще. Либо это золото кто-то другой получает, о ком только воевода знает. А сам воевода в златолюбии вроде бы как и не замешан, а лишь волю московского царя выполняет – любыми путями казаков извести. Не нужны мы московскому царю, Ваня. Вернее нужны, но только как его холопы. Вот и получается, что кроме этих турецких писулек, от которых он сразу открестится, да слов его гонца пойманного, у нас ничего против него нет. А слова к делу не пришьешь. Скажут – поклеп и злостный навет на людей государевых.

– Не волнуйся, атаман. После этой ночи веры воеводе уже не будет. Турки теперь будут через мелкое сито просеивать все, что он пошлет.

– Надеюсь на это. Ваня, а у меня к тебе новое дело.

– Какое?

– Лютик мы взяли, причем очень быстро и практически без потерь. Но взять здесь нечего. Азов же нам пока не по зубам. Такой случай мы с войсковым атаманом тоже рассматривали. А не прогуляться ли нам теперь в гости к татарам? В ту же Кафу? Там есть, что взять!

– О-о-о, это интересно! Что от меня нужно?

– Нужно, чтобы ты опять Хасаном стал. И торговать в Кафу на этой фелуке пришел. Петро вполне за кормчего-грека сойдет, он даже чуток по-гречески знает. А у тебя быть османским купцом Хасаном очень хорошо получается.

– Понятно. Раз надо – значит стану. Но для того, чтобы подозрений в Кафе не вызвать, надо ведь туда с каким-то товаром и деньгами прийти. Иначе не поверят.

– Будет тебе и товар, и деньги. Даже если в убыток продашь, или вообще ничего не продашь, ничего страшного. Не за тем туда идем. Слишком долго тебе в Кафе задерживаться нельзя. Разузнаешь все и сразу назад. Понял?

– Понял. Но надо сначала здесь все закончить. Как там Касим?

– А что Касим? Когда мы крепость взяли, еще дышал. А потом помер, болезный. Негоже заставлять шайтана ждать слишком долго.

Глава 5
Мзду брать можно, но в меру

Когда за кормой осталась Чушкинская коса и вдали по правому борту показались стены Керчи, все надеялись поскорее миновать Керченский пролив и выйти в Черное море. Ясный летний день, погода тихая, и одиночная турецкая фелука спокойно идет под парусами, не привлекая ничьего внимания. Таких, как она, здесь хватает. Азовское море прошли без приключений, причем Иван впервые получил возможность опробовать свои навыки в искусстве навигации на практике. После прохождения Долгой косы взяли курс прямо через море на Керченский пролив, не став идти вдоль берега. Первый опыт получился вполне успешным, хотя казаки вначале и посмеивались, глядя на то, как Иван возится с картами и что-то подсчитывает. Но когда вдали показались берега пролива, причем именно тогда, как Иван и предполагал, даже у Петра, имевшего за плечами богатый опыт морских походов, во взгляде появилось уважение, и шутки по поводу излишней «учености» Ивана сразу же прекратились. Фелука с казаками-лазутчиками вошла в пролив утром в одиночку, чтобы не переполошить турок и татар раньше времени. А вот следующей ночью должны пройти основные силы казачьей флотилии. Удастся ли казакам пройти Керченский пролив не замеченными или не удастся, пока неизвестно. Но даже если их обнаружат, вести об этом не достигнут Кафы слишком быстро. И у лазутчиков будет время выполнить задание в спокойной обстановке. Таков был предварительный план, составленный атаманом. А вот как пойдет на деле…

Но видно, что-то пошло не так в небесной канцелярии. То ли это была простая случайность, то ли излишнее служебное рвение, то ли чрезмерное сребролюбие. Которое, как известно, имеет место в среде османских и татарских чиновников, иногда достигая неприличных размеров и приводя к печальным последствиям. Когда фелука почти поравнялась с Керчью, от берега в ее сторону понеслась быстроходная лодка. Иван и Петр внимательно разглядывали в подзорные трубы быстро приближающихся визитеров.

– Это явно не рыбаки. Похоже на каик портовой стражи… Их там человек десять, не меньше.

– Что делать будем, Ваня? По-хорошему с ними разойтись получится?

– Попытаемся. Если несутся к нам как угорелые, то скорее всего хотят бакшиш содрать. Получат, куда же деваться… Аллах ведь завещал делиться с ближними. Но если только упрутся… Здесь не Азов, где стража боится наглеть слишком сильно, задевая азовских купцов. Ведь может боком выйти. Здесь Керчь, и на купцов из Азова здешним мздоимцам наплевать. Если по-хорошему не разойдемся, то придется топить всех. Следите за мной. И если я начну, приказа не ждите – бейте всех, кроме старшего. Но только ножами, ни в коем случае не стрелять. Сопротивляться они не смогут. Так же, как и те, что в Лютике были.

– А если им волю подавить, чтобы убрались подобру-поздорову? Нельзя?

– Можно. Но ведь они вскоре очухаются и все вспомнят. И погоню за нами вышлют. Даже если уйдем, то пойдет гулять о нас молва сначала по Керчи, а потом и по всему Крымскому ханству. Оно нам надо?

– М-м-да… Куда ни кинь… Ладно, поглядим. Может быть, бакшишем обойдемся…

Между тем быстроходная лодка приближалась, и уже можно было без подзорных труб разглядеть, что в ней находятся местные служивые, вооруженные до зубов. Казаки лишь презрительно усмехались. Это не воины, а портовая стража, привыкшая иметь дело только с приходящими купцами да с мелкой портовой шушерой, с которой она только и может «воевать».

На противостояние серьезному противнику большинство из этих «воинов» не способно. И если бы во главе угла не стоял вопрос секретности, то с ними разделались бы без труда. Но… Привлекать внимание нельзя. Остается надеяться, что доблестные стражи не будут слишком усердствовать в своем служебном рвении, а получив «положенную» мзду, быстро уберутся восвояси. Еще немного, и быстроходный каик идет рядом, откуда последовало распоряжение убрать паруса. Делать нечего, приходится подчиняться местным властям.

Казаки разбежались по палубе, убирая паруса, а Петр с Иваном стояли на корме и ждали гостей, которые не заставили себя долго ждать. Когда суденышки сошлись бортами, на палубу фелуки сразу же перебрались трое служивых. Один, похоже, небольшой начальник. Вряд ли выше десятника. Но вел себя нагло и самоуверенно.

– Кто такие? Откуда и куда идете?

– Салям алейкум, бей-эфенди! Я азовский купец Хасан, идем из Азова в Кафу. А это моя команда. Капитан Кириакос и матросы.

– Хасан, говоришь? А эта образина – Кириакос? Что-то на грека ты не очень похож… А ну показывай, что везете.

Стражник подал знак своим подчиненным, которые тут же перебрались на борт фелуки, начав досмотр груза, при этом согнав команду на нос. Оснований опасаться досмотра не было, поскольку ничего подозрительного на борт фелуки перед походом на Кафу грузить не стали. Так, партия выделанных кож да кое-какая мелочь для продажи в Кафе. Обычная купеческая посудина с самым обычным грузом, пользующимся спросом во всех приморских городах Крымского ханства. Но это если с тебя не захотят что-либо поиметь…

Видя, что досмотр затягивается, и прекращать это увлекательное дело служивые не намерены, Иван сделал попытку «договориться». Десятник «снизошел», и после непродолжительного торга один османский золотой султани и пять крымских серебряных акче перешли в его карман. Однако дальнейшее удивило всех. Татарин как будто бы что-то заподозрил, вынул монету и стал ее внимательно рассматривать. Даже на зуб попробовал. А после этого усмехнулся.

– Фальшивыми деньгами расплачиваешься, Хасан? А ты знаешь, что у нас с фальшивомонетчиками делают? Взять его!

Остальные как будто ждали этого и обнажили оружие, направив его на «греков». Двое же бросились на Ивана. Тянуть дальше не стоило. Иван давно был готов к такому повороту дела, поэтому подскочившие к нему татары тут же рухнули на палубу под внезапными ударами кинжала. Остальные тоже не смогли оказать никакого сопротивления. Порядок действий был отработан заранее, поэтому никому ничего объяснять не пришлось. Вскоре из всего десятка портовой стражи в живых остался лишь один десятник, в глазах которого плескался ужас, при этом он не мог даже пошевелиться. Казаки, быстро расправившись с татарами, тут же повалили на палубу и скрутили их начальника. Иван, вытерев кинжал об одежду убитого, поднял выпавшую из руки десятника монету и привел его в чувство.

– Действительно, с виду вроде бы золотой османский султани. Но это не та монета, что я тебе дал. Не скрою, очень хорошая подделка. Решил зарабатывать таким способом, сын шакала?

– Хасан, ты что – колдун?! Что ты наделал?! Ведь тебя и твоих людей казнят за убийство!!! Отпусти меня, и я подумаю, что можно сделать!

– Что можно сделать? Можно тебя утопить, а можно повесить. Не хочу осквернять свой клинок о такую погань. Ты презренный вор, а не воин. Но сначала ты расскажешь мне все, что знаешь…

Казаки тем временем выбросили за борт трупы, подняли паруса, и фелука стала набирать ход, удаляясь от Керчи. Каик пришлось вести под бортом, чтобы его поменьше было видно со стороны берега. Петр вел фелуку, внимательно глядя по сторонам, но вокруг пока что никого

не было. А Ивану снова пришлось прибегнуть к малоприятному занятию палача. Очень скоро Мурат – так звали незадачливого вымогателя, покаялся во всех грехах, поскольку противостоять воле Ивана не смог. Как оказалось, сгубила его жадность и чувство безнаказанности. Он со своими людьми частенько устраивал мелким купцам подобные пакости, если был уверен, что ему это сойдет с рук. Обвинить в сбыте фальшивых золотых и серебряных монет и попытке подкупа стражи – и купец сам будет рад расстаться с большей частью своих денег, только бы его отпустили подобру-поздорову и товар не трогали. Фальшивые монеты разных видов у него всегда были с собой, и он пускал их в ход в зависимости от того, какие лучше подходили в данный момент. Раньше этот метод срабатывал безукоризненно, поскольку Мурат со своими подельниками никогда не переходил дорогу серьезным людям, обращая внимание лишь на всякую купеческую мелочь, причем приезжих. Сильных покровителей у таких торгашей нет, поэтому и бояться особо нечего. Тем более что он никогда не отбирал *всё.* Обычно – не более половины. Расчет был на то, что жаловаться купцы не побегут, поскольку если начнется разбирательство с обвинением в изготовлении фальшивых денег, то может выйти себе дороже. Вот и «Хасана» Мурат не счел опасным противником, приняв за заурядного мелкого торгаша, которых в здешних краях – как блох на собаке. И тем обиднее было разочарование из-за допущенной ошибки. Когда из возомнившего слишком много о себе Мурата выжать было больше нечего, его со спокойной совестью отправили за борт вслед за его подчиненными, а Иван призадумался. Ситуация все же складывалась не очень хорошая.

– Петро, все слышал?

– Слышал, Ваня. Это татарское корыто так и будем с собой тащить?

– Да. Надо увести его подальше, а там бросим. Скоро этих любителей поживиться, чем Аллах послал, хватятся. Хорошо по крайней мере то, что когда они собрались нас «тряхнуть», никому ничего не сказали, и вышли просто вроде как для дозора в проливе. Но когда к вечеру не вернутся, в Керчи забеспокоятся.

– Так ведь мы до вечера уже далеко уйдем!

– Уйдем, но этот Мурат не один работал. У него в городе свой человек в верхах есть, который его прикрывал за определенную мзду. И подозреваю, что присматривал за своим псом, о чем Мурат и сам не знал. Так что он может спохватиться раньше.

– Ваня, мы идем, как можем. Больше из этой посудины не выжать.

– Ладно… Будем надеяться, что до полудня этих шакалов не хватятся. А там уже погоню посылать бесполезно…

Фелука прошла центральную часть пролива и развернулась на юг. Все внимательно поглядывали назад, но погони не было. И только когда поравнялись с мысом Такиль, расположенным на самом выходе в Черное море, вздохнули с облегчением. Фелука закачалась на черноморской волне, взяв курс на запад вдоль крымского берега. Далеко впереди лежала Кафа – богатый город на побережье. Каик стражи бросили, сначала прорубив ему днище, и фелука, распустив паруса, быстро удалялась от опасного места. Наступал следующий этап плана, задуманного в Черкасске. И важная роль в его успешном осуществлении отводилась неприметной фелуке, ведомой в Кафу османским купцом Хасаном.

Между тем фелука резво бежала вперед, и вполне можно было успеть до вечера достичь Кафы. Скоро в Керчи забеспокоятся по поводу пропажи Мурата с подельниками, если уже не забеспокоились. Но это не тот случай, чтобы сообщать о нем конными гонцами по всем приморским городам Крыма. А вот в следующую ночь казачья флотилия пойдет через пролив, и маловероятно, что удастся это сделать незамеченными. Кафу предупредят быстро – она ближе всех. Поэтому за завтрашний день надо успеть все сделать и к вечеру уйти, поскольку послезавтра Кафа будет гудеть, как потревоженный улей. Маловероятно, чтобы «купцами из Азова»

кто-то заинтересовался, но зачем попусту рисковать? Иван высказал свои соображения, и Петр с ними согласился.

– Так и постараемся сделать, Ваня. Если ветер не изменится, то к вечеру должны быть в Кафе. За завтрашний день все надо успеть сделать. И товар по возможности распродать, и сведения собрать, чтобы к ночи уйти. Иначе неизвестно, что в порту начнется, когда гонцы из Керчи прискачут. Уйти по-тихому тогда уже не получится.

– Петро, как придем в Кафу, мне сразу же надо будет пойти в город. А вы оставайтесь на фелуке.

– Но как ты один пойдешь?! Да еще ночью?! Там же не только стражи, но и ночных татей опасаться надо!

– Вот как раз эти тати мне и нужны. Они мно-о-го чего интересного знают! И поверь, одному мне сейчас будет гораздо проще. Не надо отвлекаться на ваше прикрытие. Если бы надо было что-то утащить – другое дело. А просто разузнать сведения я и один смогу. Вам же лучше вообще не показываться в городе. Ни за турок, ни за татар вы себя выдать не сможете. А греков здесь так «любят», что как бы чего не вышло.

– А справишься?

– Справлюсь.

– Ну, смотри, как знаешь!

Далеко за кормой остался Керченский пролив, справа высился берег Крыма, но море вокруг оставалось пустынным. Если в Керчи уже и хватились пропавшего десятка стражи вместе с каиком, то не связали их исчезновение с неприметной фелукой, прошедшей пролив рано утром.

Кафа встретила путешественников рейдом, полным стоящих на якоре кораблей и шумом богатого портового города, где все подчинено одной цели – делать деньги. Причем основу благополучия Кафы составляла работорговля, на которую работало фактически все остальное. Денег в этом деле крутилось не просто много, а очень много, поэтому пройти мимо такого «хлебного» места казаки просто не могли. Но Кафа – это крупный город с многочисленным населением и сильным гарнизоном, поэтому простая атака в лоб не годилась. Нужно было придумать какой-то хитрый ход, который вынудит противника распылить свои силы. А перед этим следует узнать о противнике как можно больше. Чем и думал заняться в самое ближайшее время османский купец Хасан, прибывший из Азова.

Пройдя через рейд, полный судов, Петр все же смог найти место, где можно было стать к причалу, а появившийся как по мановению руки портовый чиновник в сопровождении двух стражников быстро закончил все формальности, осмотрев судно и груз, и покинул борт фелуки в хорошем настроении. Правда, взяв при этом не только положенную плату портового сбора, но и «положенный» бакшиш. Мало того, еще и подсказал, к кому можно обратиться, чтобы сбыть товар оптом прямо в порту. Скорее всего, тем купцам, с которых получал свою долю как посредник, но не суть важно. Главное, что все формальности были закончены быстро и успешно, а стороны расстались довольные друг другом.

Глядя вслед уходящим представителям власти, Иван прикидывал дальнейшие действия. В разговоре с татарами он выяснил, что ночью в портовом районе лучше не ходить, а если очень надо, то только группой и хорошо вооруженными. Местные шайки грабителей действуют очень активно, нападая на припозднившихся приезжих купцов. И городская стража толком ничего не может (а скорее, не хочет) с этим поделать. Поблагодарив за предупреждение, Иван решил поступить с точностью до наоборот. И едва татары скрылись за поворотом, собрал всех в кубрике.

– Значит так, «купцы азовские». Кое-что интересное я выяснил. Поэтому схожу в город, пока не закрыли ворота. Петро, ваша задача. Вы все остаетесь на борту, что бы ни происходило.

Если меня долго не будет, никуда не ходите и не пытайтесь меня искать. Если я до завтрашнего вечера не вернусь, уходите и действуйте дальше, как условились. Но думаю, что вернусь еще до восхода солнца. Стража на воротах никого не пускает внутрь ночью, но за определенную мзду выпустит. А не выпустят – дождусь утра. Тревожить здесь раньше времени никого нельзя. Все понятно?

– Ваня, ты что, сдурел? Одному по ночам здесь шастать?

– Именно это мне и нужно. Если мы пойдем втроем, увешанные железом, то еще неизвестно, захотят ли с нами связываться. А вот одинокий припозднившийся и хорошо одетый купец, да еще и без сабли, – лакомая добыча для любого ночного татя. На «живца» когда-нибудь рыбу ловили? Вот и здесь то же самое.

– Ну, Иван… А если мы хотя бы сзади будем идти? Где-то так шагах в пятидесяти?

– Не нужно, казаки. Вы мне только помешаете и «добычу» спугнете. Не бойтесь, ничего со мной не случится. А ваша задача – сидеть здесь и товар сторожить, пока купец Хасан на берегу делами занят…

Солнце уже скрылось, и на город опустилась ночь. Иван шел по узким улочкам, старательно создавая образ припозднившегося прохожего, который торопится поскорее добраться до дома. Стража за все время так и не встретилась. Очевидно, служивые ночью сюда предпочитали не соваться. И его ожидание было вознаграждено. Очень скоро он почувствовал на себе оценивающие взгляды, и четыре тени, отделившиеся от стен, преградили путь вперед и назад.

– Куда так торопится досточтимый бей-эфенди?

– Добрый вечер, правоверные! Туда, где его ждут прекрасные гурии и все прелести жизни. А вы что тут делаете?

– О-о-о, да ты еще и философ, как я посмотрю! А ты знаешь, что Аллах велел делиться?

– Конечно, знаю!

Дальше тянуть было бессмысленно, и Иван начал действовать. Противников только четверо, улица пустынна. Он сразу безошибочно определил главаря, поэтому оставил его напоследок. Грабители ничего предпринять не успели, лишенные возможности к сопротивлению, и застыли, попав под влияние «чар» характерника. Три удара кинжалом в нужное место, и три трупа молча валятся на землю. Покончив с бандой, Иван подошел к главарю, продолжавшему стоять истуканом, и, отобрав у него нож, отвел в сторонку – в тень возле стены, где его скрывала темнота. Именно для этого он и настоял на том, чтобы идти в город в одиночку. Видеть дальнейшее не следовало никому. Даже своим казакам, с которыми ходил в разведку.

Иван не стал задавать никаких вопросов, а просто глянул в глаза бандита, полные ужаса, и не способного при этом издать ни звука. Очень скоро он узнал все, а бандит отправился вслед за своими подельниками, полностью исчерпав свою полезность. Тщательно вытерев кинжал о халат убитого и спрятав его в ножны, огляделся. Никто не заметил, что случилось на ночной улице, поэтому надо срочно уходить. Утром здесь найдут тела четырех грабителей, явно нарвавшихся не на того, кого хотели, и получивших по заслугам. О другом никто и не подумает. Но до утра еще далеко, и нельзя терять времени. Быстрым шагом припозднившийся «купец» удалялся от места происшествия, внимательно прислушиваясь к окружающему миру. Все было тихо. Очевидно, местные банды поделили улицы между собой, и на чужую территорию никто не совался.

Но вот и нужный дом. Высокий сплошной забор выше человеческого роста, и с той стороны кто-то ходит, причем двое. Именно здесь живет досточтимый Ибрагим. Уважаемый человек и преуспевающий купец, с которым считают за честь быть знакомы многие состоятельные люди Кафы, и не только Кафы. Да вот только они не знают всего. Того, что этот всеми уважаемый человек стоит во главе целой шайки бандитов, которые работают на него. Бедняга Ахмет, введенный в заблуждение безобидным видом ночного прохожего, поведал много интересного

против своего желания. Да пребудет с ним милость Аллаха… Но теперь надо поговорить по душам с его хозяином. Ведь он явно намного больше знает!

Иван прислушался и, поняв, что сторожа по ту сторону забора удалились от этого места, быстро извлек из-под халата веревку с небольшой «кошкой» на конце и забросил ее вверх. Попробовав дернуть, убедился, что «кошка» держит прочно. Отведя глаза всем, кто мог находиться поблизости, быстро перебрался через забор и оказался во дворе, в центре которого стоял богатый дом. Ахмет не раз бывал здесь, поэтому Иван знал, куда идти, и осторожно двинулся вперед, стараясь все же не выходить из тени деревьев. Оставлять позади себя лишние трупы, если того не потребуют обстоятельства, он не хотел. Как раз показались два сторожа, идущие по дорожке и прислушивающиеся к ночной тишине. Но все спокойно, кто посмеет сюда забраться? Разве что какой-нибудь сумасшедший, но это будет последнее, что он сделает в своей грешной жизни.

Смотав веревку и проскользнув через двор, Иван оказался перед дверью пристройки, которая ведет в хозяйственные помещения дома. Тут же находится и комната охраны, поэтому дверь никогда не запирается. Подойдя вплотную, прислушался. Так и есть. Часть охранников не спят, а во что-то играют. Хорошо, что петли двери смазаны, и она не заскрипит. Во всяком случае, вчера не скрипела, когда Ахмет приходил сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.